

Вадим Пряхин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том I

Вадим Пряхин

Собрание сочинений. Том I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081840

ISBN 9785449048493

Аннотация

В 1-й том Собрания сочинений Вадима Пряхина входит 6 повестей. В хронологическом порядке описывается жизнь главных героев, которые застали переход нашей страны от социализма к капиталистической формации. Их жизнь полна трудностей производственных побед и неудач, любовных переживаний и пестрых семейно-бытовых отношений. Большинство главных героев сохранили оптимистический настрой и уверенность в завтрашнем дне, несмотря на огромные трудности, которые им пришлось преодолевать.

Содержание

Золотой возраст	7
1. Знакомство	7
2. Соревнование	11
3. Две девушки	17
4. Перестройка организма	19
5. Начальник	22
6. Новое увлечение	25
7. Дядюшкины советы	28
8. В библиотеке	31
9. О литкружке	33
10. В командировке	36
11. После кончины жены	38
12. Заговор	40
13. Бегство	42
14. Принять решение!	44
15. Заступница	46
16. Изменил решение	49
17. Мачеха	52
18. Первый сбой	54
19. Грудь мачехи	56
20. Навестил любимую	59
21. Задача выполнена!	61
22. Раскрылась полностью	63

23. Подсмотрел...	67
24. Беседа с сыном	70
25. Размолвка	72
26. Учинила скандал	74
27. Вернулся из армии	77
28. Неожиданная встреча	79
29. Мечты иногда сбываются...	82
30. Стал мужчиной!	86
31. На стажировке	88
32. В кабинете начальника	91
33. О начальнике	96
34. Об изобретательстве	100
35. Застукал!	104
36. Злокачественная опухоль	106
37. Суицид	108
38. Разговор на кладбище	110
39. Получил диплом!	116
40. Рано быть начальником...	120
41. Два техника	123
42. Первое настоящее чувство	126
43. Неожиданное признание	128
44. Юбилей	131
45. Собеседование	133
46. У машинистки дома	136
47. Семейные будни	139
48. Мысленные эксперименты	141

49. Нелепая смерть	142
50. Ужасное известие	143
51. Пожалела себя	145
52. Не до ребёнка...	146
53. На ВДНХ	149
54. Чрезвычайное происшествие	152
55. Жизненный анализ начальника	156
56. Похоронили...	158
57. В ожидании	162
58. Цена успеха	164
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Собрание сочинений

Том I

Вадим Пряхин

© Вадим Пряхин, 2018

ISBN 978-5-4490-4849-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотой возраст

Повесть

1. Знакомство

Услышав стук в дверь, Виктор Парамонович с досадой отложил ручку и отозвался:

– Да? Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошла девушка лет двадцати.

На её голове была пушистая шапка; рукава и нижняя часть пальто отделаны белой опушкой; на ногах туфли на высокой платформе.

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, могу я видеть Юрия Петровича? – спросила девушка, заметно покраснев от смущения.

– Он будет сегодня после обеда. Может быть, я вам чем-то могу помочь? Я его заместитель. Зовут меня Виктор Парамонович. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо. Я вчера оформилась в ваш отдел, и Юрий Петрович сказал, что сегодня можно приступить к работе.

– Всё ясно. Вот здесь будет ваше рабочее место. Располагайтесь.

Пока девушка вешала пальто и шапку на вешалку, Виктор Парамонович с интересом наблюдал за ней. Красавицей её вряд ли можно было назвать, но она была очень мила. Среднего роста, с тёмно-русыми волосами, большими серыми выразительными глазами на довольно круглом лице. О её фигуре ничего нельзя было сказать пока определённого, так как вся передняя часть её платья состояла из такого обилия кружев и оборочек, что они способны были без труда наглухо закрыть грудь любой полноты и формы.

Наконец девушка села за свой стол, на котором пока не было ничего, кроме перекидного календаря, и вопросительно посмотрела на Виктора Парамоновича.

– Расскажите, пожалуйста, как вас зовут, где прежде работали, и вообще коротенько о себе, – сказал он, чувствуя, что от охватившего его смущения не может смотреть девушке прямо в глаза.

Он всегда ругал себя в душе за эту дурную привычку – отводить взгляд от собеседника при разговоре – самыми последними словами, но ничего не мог с собой поделать. Несмотря на свои сорок лет, он так и не научился смотреть в глаза собеседнику и, как правило, переводил взгляд или на какой-нибудь предмет обстановки, надолго задерживая на нём своё внимание, или на свои руки, которые время от времени нервно потирал. И лишь изредка в процессе разговора он как бы впивался вдруг взглядом в собеседника, стараясь в эти короткие мгновенья как можно лучше рас-

смотреть его.

– Зовут меня Люся Романова, – тихо заговорила девушка. – После окончания школы работала полтора года в отделе главного механика. Учусь на втором курсе энергетического института. В ваш отдел перешла, чтобы заниматься творческой работой и более близкой к своей будущей специальности инженера-электромеханика. Пока я научилась лишь детализовать чертежи, а очень хочется самой разрабатывать изделия – стать настоящим конструктором.

– Ну что ж, я вижу, что желания у вас хоть отбавляй. А мы попробуем научить вас мыслить творчески. Без этого хорошим разработчиком стать нельзя.

Во время этого диалога Виктор Парамонович лихорадочно соображал, какую работу поручить новенькой.

– Вы умеете печатать, Люся? Не возражаете, если я буду называть вас по имени? Ведь у нас с вами очень большая разница в возрасте.

– Конечно, конечно, обращайтесь ко мне, Виктор Парамонович, как вам удобнее. А печатаю я, к сожалению, неважно.

– Придётся научиться. Это необходимо для нашей работы, так как мы постоянно готовим отчёты, разрабатываем проектную документацию. Именно поэтому все сотрудники отдела свои материалы печатают сами. Машинистка же успевает печатать лишь то, что даёт ей начальник. Да и мне тоже иногда приходится брэнчать на машинке. Вот смотрите!

Он положил перед собой мелко исписанный лист бумаги,

заложил в машинку чистые листы и прямо стоя начал быстро печатать, с одинаковой лёгкостью работая всеми пальцами обеих рук.

– Вот здорово! – непроизвольно вырвалось у Люси. – Но сколько же пройдёт времени, пока я научусь так хорошо печатать?

– Главное для вас сейчас – с самого начала работать всеми пальцами. Если же начнёте печатать только одним или двумя, то потом трудно будет отвыкать. И старайтесь как можно быстрее запомнить расположение букв, чтобы следить глазами лишь за текстом, а нужную букву находить вслепую. Сегодня вы весь день ничем больше заниматься не будете – только печатать.

– Можно полюбопытствовать, Виктор Парамонович, почему вам тоже приходится печатать? Ведь вы же всё-таки замначальника!

– Во-первых, я не так давно хожу в замах, во-вторых, у меня есть хобби – писать рассказы. Всё свободное время я отдаю этому своему увлечению. Пишу рассказы я быстро, а печатать некому. Вот и пришлось научиться. Да и диссертацию я несколько раз перепечатывал от корки до корки, доводя её до кондиции... Вот вам, Люся, пока десять листов отчёта. Попробуйте-ка отпечатать их без помарок, а о скорости пока не думайте. Это придёт со временем.

2. Соревнование

На следующий день уже все четыре стола комнаты зама были заняты – вернулся из армии Юра Копылов и вышла на работу после болезни Рита Малюгина.

Юра и Рита с живым интересом наблюдали, как печатает новенькая. Ведь Виктор Парамонович ещё не успел дать им задание. Наконец он поручил Рите копировать чертежи, а Юре начал объяснять, как работает новая система электропитания. Техническая документация на неё должна быть разработана в этом квартале.

Нельзя сказать, чтобы у Люси всё сразу получалось. Она пыталась быть предельно собранной, но всё же ей приходилось каждый лист перепечатывать по несколько раз из-за помарок. Заметив, что Люсе неудобно часто просить чистую бумагу, Виктор Парамонович положил перед ней целую пачку бумаги и копирки.

Несмотря на совет зама печатать всеми пальцами, Люся пользовалась пока лишь указательными и средними пальцами левой и правой рук. Как только Виктор Парамонович заметил это, он ничего не сказал, а только укоризненно покачал головой. Но и этого было вполне достаточно, чтобы Люся поняла свою ошибку и начала снова работать всеми пальцами.

Перед самым обеденным перерывом Рита подошла к Лю-

се и сказала:

– Ты не могла бы в обед задержаться, чтобы быть судьёй одного небезынтересного соревнования?

– Какого соревнования?

– Я поспорила сегодня с Юркой на коробку конфет, что печатаю быстрее его.

Люся с любопытством посмотрела на собеседницу. Это была очень полная для своих двадцати с небольшим лет шатенка. У неё уже довольно явно обозначился второй подбородок, а коротенькая юбка не могла полностью скрыть мощи её бёдер. И это несмотря на то что, перед тем как сесть, Рита каждый раз «добросовестно» одёргивала её. Сейчас, когда при разговоре с Люсей она немного наклонилась, была отчётливо видна глубокая ложбинка между её ослепительно белыми грудями, которые заполняли платье своей хозяйки так же хорошо, как белок скорлупу яйца, сваренного вкрутую. Люсе не стоило большого труда догадаться, что сладёна Рита будет с остервенением бороться за коробку конфет, которую она надеялась выиграть у Юры.

– Хорошо. Я согласна, – ответила Люся и посмотрела на часы.

До перерыва оставалось около получаса, так что она ещё успеет закончить то, что наметила напечатать до обеда.

Но вот уже и двенадцать часов – начало обеда, а Виктор Парамонович, как видно, и не собирается уходить. Его присутствие никак не входило в планы молодёжи. Видя, что

соревнование под угрозой срыва, Рита решительно подошла к заму и начала что-то темпераментно нашёптывать ему на ухо. Виктор Парамонович внимательно выслушал её, пожал плечами и вышел из комнаты.

Через пару минут соперники уже сидели с пишущими машинками, а Люся стояла с часами на ладони, чтобы засекаать время. Юра казался совершенно невозмутимым, но Рита начала заметно нервничать, то и дело двигала машинку, вертелась на стуле и барабанила пальцами по столу.

Когда, казалось, абсолютно всё уже было готово, Юра вдруг попросил завязать ему глаза.

Рита не выдержала и взорвалась:

– Юрка! Ты специально действуешь мне на психику. Попробуй сначала выиграть с открытыми глазами, а уж потом задавайся!

– А что, тебе разве хуже будет, если я буду печатать вслепую? Наоборот, твои шансы резко возрастают! Или приммай мои условия полностью, или соревнования не будет!

– Ну ладно, согласна. Давайте начинать, а то и пообедать не успеем!

– Начали! – скомандовала Люся и, засекая время, посмотрела на часы.

Рита начала как пулемёт, но тратила некоторое время на передвижение линейки, которой отмечала нужную строку, и на то, что руки не находились постоянно в середине клавиатуры, а смещались то влево, то вправо, так как она пе-

чатала только указательными и средними пальцами и ими же нажимала на регистр. Печатать же под диктовку Рита наотрез отказалась.

Ровно через три минуты Люся подала команду «стоп».

Теперь настала Юрина очередь печатать. Люся уже собралась диктовать, но вдруг Рита сорвалась с места и выхватила у неё текст со словами:

– Я сама буду диктовать!

Несмотря на то что глаза у Юры были завязаны, по его губам было заметно, что он улыбается.

Рита опять не выдержала:

– Ты снова меня нервируешь?! Хочешь довести до белого каления?

Пришлось вмешаться Люсе и напомнить, что треть обеда уже прошла. Если они не закончат пререкаться, то останутся голодными.

Наконец Рита успокоилась и по команде Люси начала диктовать. Она читала текст очень быстро, проглатывая частенько окончания слов, в надежде на то, что либо Юра не выдержит такого бешеного темпа и совсем откажется от борьбы, либо будет просить зачитывать повторно отдельные слова и потеряет на этом немало времени. И она прямо-таки кипела от негодования, когда Люся объявила, что три минуты истекли, а её надежды так и не оправдались.

В результате оказалось, что Юра выиграл с преимуществом в две с половиной строчки. Рита попыталась было про-

тестовать, утверждая, что Люся неправильно засекала время. Но когда было обнаружено, что она сделала в тексте три ошибки, а Юра ни одной, то вынуждена была признать своё поражение и со слезами выбежала из комнаты.

Юра стянул с глаз повязку, подошёл к Люсе и сказал прерывающимся от волнения голосом:

– Эту победу, Люся, я посвящаю вам. Я заметил, что вы мне симпатизировали, и это придавало мне силы. Вы довольны результатом состязания, не правда ли?

Люся лукаво и вместе с тем насмешливо посмотрела на Юру. Перед ней стоял высокий, широкоплечий и очень стройный парень. Лицом же он очень напоминал её любимого артиста Олега Видова. В тайниках души она действительно желала ему успеха, но никак не ожидала, что это так заметно.

Воспользовавшись тем, что Люся замешкалась с ответом, он решил ей помочь:

– Как в народе говорят, молчание – знак согласия. В таком случае, Люсенька, разрешите по случаю нашего успеха пригласить вас сегодня в кино или на танцы. Куда хотите!

– Спасибо, Юра, за приглашение, но я работаю, учусь, и свободного времени у меня почти не остаётся. И потом, на носу сессия...

– У меня свободного времени тоже не очень-то много. Ведь я готовлюсь поступать в институт. Но сегодня вы будете великой грешницей, если мне откажете!

– Ну хорошо, Юра, я подумаю... А теперь давайте поздравим друг друга с тем, что остались без обеда. Посмотрите в окно: Виктор Парамонович уже входит в подъезд и сейчас будет здесь.

– Что касается меня, то я не привык делать из еды культа. Пусть сегодня у меня будет разгрузочный день. Но всё же я, с вашего разрешения, выберу момент и незаметно смоюсь за пирожками. Идёт?

– Идёт, – тихо ответила Люся и начала раскладывать на своём столе новую пачку бумаг.

3. Две девушки

С каждым днём Виктор Парамонович всё больше убеждался в том, что Люся и Рита полностью противоположны не только по внешности, но и по отношению к работе. Так, например, он уже несколько раз «засекал» Риту за чтением, стоило ему отлучиться куда-нибудь по делам. Люся же, наоборот, как только заканчивала какое-нибудь задание, подходила и спрашивала: «Чем мне теперь заняться, Виктор Парамонович?»

Постоянно находясь в обществе этих молодых девушек, он невольно следил и за их нарядами, и за манерой поведения. Люся вела себя на работе предельно скромно: робела, когда в их комнату входил кто-то из сотрудников, кого она видела впервые; смущалась, если неожиданно чихнёт или кашляет; болезненно переживала даже из-за мелких недочётов в работе. Так что очень скоро за ней в отделе утвердилась репутация «буки» и «тихони».

В отличие от Люси, Рита кокетничала со всеми напрапалую. Ей очень нравилось, что, когда она проходит по территории завода, кто-то из мужчин обязательно провожает её восторженно-плотоядным взглядом или прокомментирует вслед её роскошную фигуру и вихляющую походку.

А однажды, оставшись с Люсей наедине, в порыве откровения Рита спросила её: «Хочешь, я женю на себе зама? Ви-

дела бы ты его жену: кожа да кости; на лицо невзрачнейшая, а ноги все в лимфатических узлах – смотреть противно! Правда, сына своего он любит безумно. Ну что ж, будет папуля несколько лет выплачивать алименты. Ничего не поделаешь! Не он первый, не он и последний...»

Люся была настолько потрясена этим циничным заявлением, что ничего не смогла ответить. Рита же истолковала её молчание как одобрение своего плана и вскоре перешла к активным действиям – начала атаку на объект своего внимания.

4. Перестройка организма

С наступлением весны Виктор Парамонович впервые за много лет ощутил, что в его организме происходит какая-то перестройка. Конечно же, по рассказам своих более пожилых знакомых он знал, что в сорок лет человека после напряжённого трудового дня может мучить бессонница; что задержки с обедом или ужином приводят к головным болям; что память в этом возрасте, как правило, утрачивает свою гибкость и что иногда заметно падает работоспособность, причём часто как раз в тот момент, когда совершенно необходимо работать с удвоенной энергией. Знал он также и то, что организм набирает силу и накапливает энергию, по утверждениям медиков, лишь до двадцати пяти – тридцати лет, а затем только расходует их. Следовательно, для него уже настала пора несколько сдавать физически. Но ему всегда почему-то казалось, что это может относиться к кому угодно, но только не к нему. Он продолжал считать, что находится в самом расцвете творческих сил, полон энергии и по-прежнему обладает могучим здоровьем. И это состояние продлится, по крайней мере, ещё десяток лет, а уж затем, конечно, возраст возьмёт своё...

Каково же было его удивление, если не сказать отчаяние, когда в дополнение к перечисленным возрастным явлениям добавилась ещё и апатия интимного порядка. Он чувствовал,

как всё более и более утрачивает интерес не только к своей супруге, но и к представительницам прекрасного пола вообще. «Необходима, видимо, какая-то встряска всему организму. Иначе я совсем расклеюсь», – всё чаще думал он, смутно ожидая важных, а может быть, и глобальных перемен в своей жизни.

И вот как раз в этот период временного – как очень хотелось думать Виктору Парамоновичу – состояния апатии и меланхолии, он заметил, что Рита, несмотря на то что в их комнате по-весеннему свежо, стала надевать не по сезону открытые платья и, как бы забывая о своей неизменной мини-юбке, гораздо чаще, чем прежде, выдвигала свои аппетитные ножки в капроновых чулках из ниши стола, отлично понимая, что они вряд ли кого-то могут оставить равнодушным.

Конечно же, и сам Виктор Парамонович не мог не замечать усиленных стараний Риты производить эффект на окружающих и главным образом на него. Но он считал бестактным делать ей замечания на этот счёт, опасаясь, что очень обидит девушку.

Однако Юра имел на этот счёт иное мнение. Как-то раз, когда Рита подошла к заму, чтобы подписать у него какую-то бумагу, и слишком усердно демонстрировала ему свои прелести: так низко наклонилась над его столом, что казалось – её мощный бюст вот-вот вывалится из платья, он спокойно дождался, когда она вернётся на своё место, затем подошёл

к ней и чуть слышно прошептал:

– Зря стараешься, подруга. Своей жены и сына он никогда не бросит. Хорошенько запомни это!

Рита гневно сверкнула на него своими зелёными хищными глазами и отрезала в ответ:

– Не лезь не в своё дело, мальчик! Ты обхаживаешь свою Люську, вот и не отходи от неё ни на шаг. А я в своих чувствах и без твоей помощи как-нибудь разберусь! Понял?

Уже отойдя от Риты, Юра вдруг подумал: «Хорошо, что матушка природа выпустила меня на свет таким здоровяком. И Рита проглотила обиду. Будь я послабее, эта чумовая толстуха набросилась бы на меня с кулаками...»

5. Начальник

Виктор Парамонович и его начальник, Юрий Петрович, сидят друг против друга в вагоне электрички и увлечённо беседуют.

– Но, Виктор Парамонович, дорогой, ведь ещё Козьма Прутков говаривал, что нельзя объять необъятное. Почему же ты разбрасываешься и хватаешься то за одно, то за другое, не доводя ни одного дела до конца? – тихо говорил среднего роста круглолицый пухлый мужчина лет сорока пяти, с рыжими, ниспадающими на плечи длинными волосами.

– Мало ли что изрекал Козьма или кто-то другой! Разве я, уважаемый Юрий Петрович, не могу в свои сорок лет заниматься тем, к чему у меня душа лежит? – отвечал вопросом на вопрос Виктор Парамонович.

Чувствовалось, что разговор ему неприятен и он хочет перевести его на другую тему. Он смотрел на собеседника своими печальными тёмными глазами и возмущённо то и дело разводил руками:

– И потом, о чём речь? Я же хожу в литкружок всего один раз в неделю, причём после работы...

– Это всё, конечно, так. Но у тебя на носу защита диссертации. И ты должен думать сейчас только о ней, где бы ни находился; заниматься каждую свободную минуту только ею и ничем другим. Иначе ты никогда так и не защитишь-

ся! Подумай сам: приходишь домой после своих литературных занятий выжатый как лимон, в двенадцать часов! Так какой же из тебя на следующий день работник на заводе, позволь спросить?

По радио объявили, что следующая остановка Карачарово. Юрий Петрович встал и протянул Виктору Парамоновичу пухлую ручку:

– Всё-таки я советую тебе, Виктор, не забивать голову посторонними вещами. Защитись сначала, а потом делай что хочешь. Пока!

Виктор Парамонович вышел через две остановки. По пути домой он прикидывал, каких последствий можно ожидать от разговора с шефом. «Как начальник отдела, он может дополнительно подкинуть какую-нибудь работёнку, а как научный руководитель, видимо, попробует тормознуть мою защиту. Это в самом худшем случае. А может быть, всё ещё и обойдётся? Но отступать я не намерен – в среду снова обязательно пойду на занятия в литкружок», – принял он окончательное решение.

Однако через несколько дней после разговора в поезде Виктор Парамонович понял, что Юрий Петрович так просто ничего не говорит и никогда ничего не забывает. Это стало очевидным после того, как он совершенно случайно услышал отрывок телефонного разговора шефа.

– Хорошо, если его новое увлечение не даст результата... А вдруг он окажется способным писать сначала рассказы, за-

тем повести и романы... В этом случае свершится непоправимое: во-первых, мы потеряем хорошего безотказного зама, а во-вторых, он будет неуправляем и сможет писать что угодно и о ком угодно. Или, другими словами, что в голову взбрѣдет! Мы работали с ним вместе свыше пятнадцати лет. Он накопил массу впечатлений и будет описывать пережитое не так, как нам нужно, а как ему заблагорассудится... Это было бы ужасно. И допустить этого мы никак не можем. Просто не имеем морального права! Через два часа я жду от тебя конкретных предложений. Пока всё!

Виктор Парамонович благодарил сейчас судьбу за то, что, собираясь позвонить домой, снял трубку параллельного телефона в соседней с кабинетом шефа комнате именно в тот момент, когда речь шла о нём. Это он сразу же понял.

Ему было лишь неизвестно, с кем разговаривал Юрий Петрович. А узнать это было крайне необходимо, ведь надо обезопасить себя от возможных козней со стороны потенциальных врагов. Некоторое время Виктор Парамонович восстанавливал в памяти фамилии всех сотрудников отдела и перебирал знакомых ему людей из окружения шефа. Но когда перешѣл за двадцать человек, то понял, что затея эта бесполезная. Остаѣтся лишь повисить бдительность и ждать, что будет дальше...

6. Новое увлечение

А события развивались стремительно. В тот же самый день, когда Юрий Петрович давал кому-то задание по телефону проследить за будущими литературными успехами или неудачами Виктора Парамоновича, к нему в разное время подошли пять человек и попросили как можно подробнее рассказать о кружке. На очередное занятие пришли все пятеро и, конечно же, были занесены в списки кружковцев. Трое из них были хорошо знакомы Виктору Парамоновичу, так как они работали в его отделе. Остальных же двоих он видел впервые. «Кто же из них будет выполнять задание шефа? – напряжённо думал он. – Пока, конечно, ничего определённого сказать нельзя. Но ведь кто-то из них наверняка рано или поздно оступится и выдаст себя».

На этом же занятии его избрали старостой и после жаркой дискуссии дали кружку название «Стрела». Всего же в этот день пришли 17 человек; и Виктор Парамонович, безусловно, не исключал возможности, что человек шефа может находиться и вне пятёрки новичков.

Тем не менее на первых порах он решил особенно пристально следить за кружковцами, которые работали с ним в одном отделе. Анализируя их поведение, он хотел предугадать направление главного удара.

А время шло... И Виктор Парамонович стал замечать,

что, как только какой-то из рассказов получил одобрение, давление в отделе на него усиливалось – Юрий Петрович так загружал его работой, что часть её приходилось выполнять и в домашних условиях. И наоборот, если рассказ не получался, то на работе сразу же делалось некоторое послабление – удавалось иной раз разложить и со своими диссертационными материалами. Напрашивался вывод: защита или кружок...

Правда, для Виктора Парамоновича эта тактика шефа уже не была в диковинку. Он очень хорошо помнил, как Юрий Петрович темпераментно уговаривал его отказаться от выдвижения на звание «Заслуженный изобретатель РСФСР».

– Парамоныч, дорогой, всё равно из этой затеи у тебя ничего не выйдет. Не трать драгоценное время понапрасну. Ведь тебе предстоит пройти с десятков серьёзнейших инстанций. В том числе коллегию министерства, ЦК профсоюзов, президиум Верховного совета... Всё равно где-нибудь да срежут. А это будет для тебя серьёзной моральной травмой. Накопишь отрицательных эмоций, и посыплются на тебя всякие болячки. В лучшем случае кондрашка хватит, а может быть, даже инсульт или инфаркт... А когда сломаешься, то уже никому не будешь нужен. Тебя и дворником никуда не возьмут!

Но Виктор Парамонович не отступился и получил-таки через два года это почётное звание. Это была его первая награда федерального значения! Пришлось шефу скрепя серд-

це поздравить своего зама с этим большим успехом.

Однако Юрий Петрович не мог знать, что придаёт силы Виктору Парамоновичу и почему вдруг его не молодой уже подопечный так воспылал к литературе запоздалой любовью и взялся за перо...

7. Дядюшкины советы

Действительно, Виктор Парамонович много лет не соприкасался с художественной литературой. Причиной этому послужил разнос рецензентом его первого юношеского произведения. Именно тогда он сказал себе, что литература не его амплуа и не стоит расходовать на неё время и силы.

Но в позапрошлом году в нём снова пробудились авторские амбиции. Он стал считать, что на сегодняшний день накопил уже достаточно впечатлений, и теперь настало время поделиться ими с читателем. А умение писать, казалось ему, придёт со временем. Главное – работать над собой. Работать с полной отдачей, до изнеможения, отдавая любимому делу почти всё свободное время.

Конечно же, он понимал, что невероятно трудно совмещать работу над диссертацией и свои литературные опыты в сорок лет. Но он не мог теперь жить иначе. И потому частенько успокаивал себя словами физиолога Павлова: «Перемена работы – лучший отдых!»

Его литературное «пробуждение» совпало по времени с участвовавшими визитами к родному дяде, Петру Ивановичу. Всю жизнь он самозабвенно занимался наукой. Но на седьмом десятке вдруг попробовал писать басни. Каково же было его изумление, когда первую же из них опубликовали в одной из районных газет. За два последующих

года он написал свыше двух десятков басен, и большая часть из них была горячо одобрена.

Перед смертью Пётр Иванович признался племяннику, что если бы кто-нибудь раньше посоветовал ему взяться за перо, то он, возможно, стал бы профессиональным литератором. А за день до кончины дядя, уже прикованный к постели, давал последнее напутствие племяннику: «Пока тебе годы ещё позволяют творить, пробуй себя во всём, в любом качестве... Ведь жизнь летит стремительно, и ты всё равно вряд ли успеешь сделать всё задуманное, но ты должен найти себя; должен определиться в жизни и отдавать своей работе всего себя без остатка, находя в этом полное удовлетворение. И тогда, завершая свой путь, как я сейчас, ты не будешь мучиться угрызениями совести. Ибо сможешь дать себе отчёт в том, что успел испытать свои силы и в науке, и в изобретательстве, и в литературе...

А предпосылки у тебя ко всему этому, мне кажется, есть! На последнем отрезке своего пути ты уже будешь, как говорится, бить в одну точку, то есть заниматься самозабвенно и с полной отдачей лишь каким-то одним делом. И интуиция подсказывает мне, что этим делом будет ЛИТЕРАТУРА! Правда, я могу ошибаться. Во всём этом ты должен разобраться самостоятельно, без посторонней помощи.

И последнее. Если даже литератора из тебя и не получится, всё равно старайся как можно больше читать. Я клянусь себя самыми последними словами за то, что не находил для

этого достаточно времени. И сейчас у меня мучительно сжимается сердце от того, что эта возможность для меня уже упущена навсегда...»

В этот день Виктор Парамонович поклялся, что будет верен каждому из своих увлечений до конца.

8. В библиотеке

В один из субботних майских дней руководитель литкружка «Стрела» Алексей Акимович Липов в ожидании заказанной литературы просматривал каталог Ленинской библиотеки. Радуюсь тому, что удалось выкроить время для знакомства с работами своих кружковцев, он решил начать со старосты и протянул руку к ящичку с буквами СТАУПО, так как фамилия Виктора Парамоновича была Уланов. Но в этот же момент к ящичку потянулась ещё одна рука.

Алексей Акимович резко обернулся и с высоты своего великолепного роста некоторое время удивлённо смотрел на модно одетого пухлого мужчину с рыжей копной волос, торчащих в разные стороны наподобие иголок дикобраза. Затем он широко улыбнулся и протянул выдвинутый ящичек незнакомцу.

– Ну что вы, только после вас, – запротестовал рыжий.

– В таком случае давайте смотреть вместе, – предложил Алексей Акимович, выдвигая доску и ставя на неё ящик каталога. Он быстро нашёл фамилию Уланов и начал уже гораздо медленнее переключать карточки, чтобы не пропустить нужные ему имя и отчество.

Рыжий мужчина дождался, когда высокий незнакомец отыщет свою карточку, и вдруг воскликнул:

– Но позвольте, ведь это же мой аспирант. Я его научный

руководитель, и мне хотелось ещё раз посмотреть, какие его работы могут войти в автореферат диссертации.

– А я знакомлюсь с трудами своих кружковцев! Понимаете, почти все они инженеры или научные сотрудники, технари, так сказать. И мне небезынтересно узнать, кто чем «дышит» в науке и технике. Кто чего добился до прихода в наш литкружок.

Они быстро познакомились и долго прогуливались по коридорам библиотеки, оживлённо беседуя. Алексей Акимович величественно шёл по паркету, заложив руки за спину и внимательно слушая собеседника. А Юрий Петрович с трудом успевал за своим новым знакомым и что-то темпераментно ему доказывал. Он подносил свои пухлые кулачки к самому лицу Алексея Акимовича, а то вдруг разводил их в разные стороны, как бы пытаясь объять необъятное...

А уже через несколько дней Виктор Парамонович стал замечать, что шеф теперь частенько, вызвав его к себе в кабинет, две-три минуты задумчиво смотрит на него. Смотрит как-то необычно, по-новому, каким-то изучающе-оценивающим взглядом – пристальным и в то же время растерянным. Когда же после затянувшегося молчания Виктор Парамонович спрашивал: «Ты мне что-то хотел сказать, Юрий Петрович?» – тот как бы спохватывался и каждый раз неизменно отвечал: «Нет-нет... Ничего, всё в порядке... Иди работай!»

9. О литкружке

Вскоре Виктору Парамоновичу представилась великолепная возможность встряхнуться. Директор завода направил его в командировку, чтобы на месте разобраться в причинах ненадёжной работы нового агрегата. Дни командировки потянулись унылой чередой, ничем не отличаясь друг от друга. Виктор Парамонович приходил с работы, валился на неразобранную койку и, подложив руки под голову, какое-то время смотрел в потолок, а затем закрывал глаза и всё думал, думал...

О том, что серьёзно заниматься наукой, видимо, уже не сможет – на заводе текучка заедает. Приходить же с работы и раскладываться дома со своими бумагами, как в молодости, он уже не может. На это нет больше ни сил, ни желания.

О том, что жену вот уже пять-шесть лет одолевают различные недуги. А за последние полгода она особенно заметно похудела и постарела. О том, что всё реже приходит к нему теперь вдохновение, и его рассказы получают всё менее и менее удачными.

Вдруг ему вспомнилось, что не далее как через неделю ему предстоит выступать на районном семинаре непрофессиональных поэтов и прозаиков. Виктор Парамонович встал, вынул из чемодана ученическую тетрадь, карандаш и набор

цветных ручек. У него сложилась привычка – первый вариант рассказа или текста своего выступления писать карандашом, второй – обязательно чёрным стержнем (первая правка), третий – цветным «шариком» (вторая правка). И так как он не переписывал карандашный текст, а лишь правил его всеми этими разноцветными ручками, то в результате получалась такая замысловатая мозаика, в которой, кроме него, никто не мог разобраться. Поэтому перепечатывал на машинке или переписывал начисто свои произведения, как правило, он сам. Вот и сейчас он собирался поработать над тезисами своего выступления на семинаре.

Виктор Парамонович положил портфель замками вниз себе на колени, раскрыл тетрадь на этом импровизированном столе, и карандаш быстро забегал по бумаге: «Товарищи! Я нередко задаю себе вопрос: занятие литературой – это просто увлечение, отдых или труд? На этот вопрос невозможно однозначно ответить... Однако прежде всего это источник вдохновения для моей основной работы – инженера. И одно весьма удачно дополняет другое, так как есть возможность повседневно переключаться с инженерной работы на литературу и наоборот...

Всё началось с того, что в какой-то момент (это было примерно три года назад) я вдруг почувствовал какую-то односторонность моей деятельности, которая не находила выхода в изобретательстве и экспериментах. Здесь речь идёт об эстетической стороне, нравственном начале. Кроме того, с неко-

торых пор я почувствовал, что мне крайне необходим качественно новый выход для жизненных впечатлений. И хотелось жить ярче, полнокровнее. Постепенно это вылилось в желание выговориться сначала в небольшом коллективе литкружка, а может, и найти своего читателя.

Наши занятия дали возможность не просто, к примеру, читать какую-то книгу, но и анализировать отдельные фразы, наслаждаться языком и почти в каждом произведении делать для себя какие-то микрооткрытия. Как следствие, и сам учишься выделять из нашей повседневной жизни что-то самое важное.

Хотелось бы особо сказать несколько слов о поэзии. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что начал понимать прелесть и содержание стихов только благодаря занятиям в литкружке. Тогда как прежде меня интересовала исключительно проза. А стало быть, множество прекрасных вещей гениальных поэтов проходило мимо, и, следовательно, выпадала из жизни одна из интереснейших граней литературного творчества, каковой является неповторимый и волшебный мир поэзии.

И за все эти дополнительные минуты радости (которых, увы, могло и не быть) я благодарен литературе, нашему литкружку «Стрела» и, конечно, районной газете, которая всячески помогает нам, чему подтверждение – наша сегодняшняя встреча».

10. В командировке

Виктор Парамонович отложил карандаш и взял чёрную ручку, чтобы начать правку текста, но мысли его, возникнув из-под сознания, уже переключились на самую грустную волну... Он вспомнил о своей жене и сыне. Провожая его в командировку, жена так волновалась, что не могла сдерживать слёз и, стоя на перроне, тихо говорила через окно поезда мужу, уже занявшему место в купе: «У меня такое предчувствие, Витюша, что мне уже недолго осталось жить. Врачи не хотят говорить мне правду. Но тебе, наверное, скоро скажут, чем я больна. Я очень прошу тебя, дорогой, не скрывай от меня правды. Ладно?»

Но вот его мысли уже невольно устремились к милому его сердцу образу Люси. Он, конечно же, понимал, что она ему симпатизирует. Однако нисколько не сомневался, что не имеет права ответить ей взаимностью сразу по нескольким причинам: во-первых, он почти на двадцать лет старше; во-вторых, он женат и у него есть ребёнок, а она только вступает в жизнь и имеет молодого, красивого и энергичного поклонника, Юру Копылова, который ради неё готов на всё; в-третьих, и это самое главное, хоть он и не считал свой брак идеальным, всё же никогда не смог бы решиться на разрыв с женой, так как причинил бы этим невыносимую боль не только ей, но и сыну, которого он прямо-таки бого-

творил.

И вот сейчас Виктор Парамонович пытался разобраться в сумятице нахлынувших на него чувств, хотел дать себе клятву – не заходить в мечтах о Люсе слишком далеко. Но не мог справиться с собой, чувствуя, что любовь к ней разгорается всё с большей силой...

11. После кончины жены

За два дня до конца командировки Виктор Парамонович получил телеграмму, в которой говорилось, что его жена скоропостижно скончалась.

Смерть жены подействовала на него двояко. С одной стороны, он как бы замкнулся в себе и частенько теперь задерживался на работе на два-три, а то и на четыре часа, предоставляя сыну полную самостоятельность, с другой – неожиданно для себя стал крайне раздражительным. Иной раз придирался к подчинённым по пустякам, перестал следить за своей внешностью.

Большинство сослуживцев связывали эти перемены не столько со смертью жены, сколько с его новым назначением. Прошло вот уже более двух месяцев, как его назначили заместителем главного инженера. Однако он часто заходил, по старой памяти, в свой бывший отдел и теперь уже без прежнего такта делал замечания сотрудникам, если видел их нерадивое отношение к работе.

Сразу же после кончины жены Виктора Парамоновича Рита Малюгина решила, что теперь пробил её час и уже больше не существует никаких препятствий к тому, чтобы завладеть сердцем вдовца. Но вскоре убедилась, что дело это не такое уж простое. Своим женским чутьём она вдруг неожиданно для себя уловила взаимную симпатию Виктора Парамонови-

ча и «тихони».

Видимо, это и было основной причиной того, что он продолжал заходить в свой бывший отдел. Это открытие прямо-таки потрясло Риту, так как она хорошо понимала, сколько скрытой нежности, ласки и обаяния таится в душе её соперницы. И теперь каждую свободную минуту она думала лишь о том, как отвести Люсю от Виктора Парамоновича. Наконец она пришла к выводу, что без помощи Юры Копылова ей в этом вопросе не обойтись. Теперь оставалось только наметить план действий...

12. Заговор

Конечно же, Юра и сам давно заметил привязанность Люси к Виктору Парамоновичу. Но ему пока не верилось, вернее, очень не хотелось верить, что это чувство глубокое и серьёзное. Кроме того, он был убеждён в порядочности Виктора Парамоновича и не допускал мысли, что тот может переступить границу дозволенного. Однако когда его предполагаемый соперник овдовел, в сердце Юры закралась щемящая тревога. Тем более что Люся теперь всё реже и реже принимала его приглашения провести вечер вместе. Поэтому он был крайне обрадован предложением Риты постараться совместными действиями разлучить эту парочку.

План их состоял в следующем. Рита расскажет родителям Люси, не жалея слов и красок, о том, что их дочери угрожает серьёзная опасность. Одновременно с этим Юра постарается убедить Виктора Парамоновича в том, что своими ухаживаниями он ничего не принесёт молодой девушке, кроме вреда. А через несколько дней после этого Рита и Юра намеревались ещё обсудить сложившуюся ситуацию, чтобы скорректировать свои дальнейшие действия.

Однако их плану так и не суждено было осуществиться, так как Люся вдруг взяла расчёт и уехала неизвестно куда. Родителям же она оставила коротенькую записку, чтобы они за неё не волновались и что она даст знать о себе сразу же,

как только устроится на новом месте.

Когда Юра зашёл в кабинет Виктора Парамоновича, чтобы попытаться узнать, куда уехала Люся, тот искренне удивился и сказал, что слышит об её отъезде впервые и очень сожалеет, что отдел потерял в её лице такую ценную работницу.

13. Бегство

Тем временем Люся впервые после отъезда из Москвы пыталась сейчас трезво и спокойно разобраться в обстановке. Она сбежала из города, где родилась и провела всю свою жизнь, в этот маленький городишко, создав тем самым для себя массу трудностей. Теперь ей будет необходимо оформить перевод с вечернего отделения института на заочное, поступить на работу, решить вопрос с жильём...

Ей вспомнилось, как начальник отдела, Юрий Петрович, изменился в лице, когда она сообщила о своём намерении уволиться с завода и попросила его подписать заявление об уходе. Правда, он быстро оправился от этого сообщения, так как надеялся, что заинтересует Люсю какой-нибудь новой, ещё более интересной работой. Он знал, что эта серьёзная девушка возьмётся за любое дело, лишь бы оно захватило её полностью. И чем сложнее будет задание, тем с большим рвением и упорством она будет его выполнять. Тем не менее на этот раз Люся оставалась непреклонной.

Она сразу же сказала, что не может раскрыть причины увольнения, но умоляла поверить ей, что причина эта очень серьёзная. После этих слов Юрию Петровичу ничего больше не оставалось, как подписать заявление. Ибо он очень хорошо знал, что Люся никогда не бросает слов на ветер.

И сейчас она вновь и вновь задавала себе вопрос, пра-

вильно ли поступила, устремившись в полную неизвестность с единственной надеждой, что Виктор Парамонович найдёт её, где бы она ни находилась, если любит её по-настоящему. И каждый раз сама себе отвечала: «Конечно же, правильно! Ведь время и расстояние – лучшие средства для проверки верности сердец...»

14. Принять решение!

После того как Виктор Парамонович узнал от Юры, что Люся уехала из Москвы, он всё время анализировал причины её поступка. И каждый раз получалось, что девушка решилась на этот отчаянный шаг из-за него. Это бегство из столицы было своеобразным объяснением в любви. Будучи очень застенчивой и робкой, Люся не решалась полностью раскрыть свои чувства при непосредственной встрече с ним и поэтому выбрала иную форму признания.

Теперь Виктору Парамоновичу осталось принять решение: или разыскать Люсю и окончательно объясниться с ней, или оставить всё как есть и постараться забыть её навсегда. Ему казалось, что прошло уже достаточно времени после смерти жены, и никто его не осудит, если он сделает попытку вновь устроить свою личную жизнь.

Годы летят стремительно. Стоит промедлить ещё несколько лет, и будет уже слишком поздно. Сына же Виктор Парамонович считал достаточно взрослым, чтобы тот мог понимать, что отцу необходима подруга. И в то же время в свои пятнадцать лет он ещё не достиг того возраста, когда к махехе привыкнуть будет уже невозможно.

Исходя из этих рассуждений, он решил дожидаться, когда Люся даст весточку родителям, а потом сразу же послать ей телеграмму или письмо.

Приняв это решение, Виктор Парамонович несколько успокоился и начал обдумывать план на завтра, зная, что деньёк на заводе будет не из лёгких.

15. Заступница

Рита шла по тихой безлюдной улочке Замоскворечья и ругала себя за то, что пошла в кино на последний сеанс. Картина оказалась так себе, средненькая, – вышла из кинотеатра, и в памяти почти ничего не осталось.

Поднимаясь по боковой каменной лестнице моста, она увидела три фигуры подростков лет четырнадцати-пятнадцати. Было заметно, что они что-то не поделили, и дело вот-вот дойдёт до драки. И действительно, когда она уже вышла на мост и обернулась, то увидела, что один из этой троицы согнулся, схватившись руками за живот, видимо, получил сильный удар под дых, а двое других по очереди наносят ему удары, куда придётся.

Рита понимала, что если она не вступится за парня, то он почти наверняка угодит в больницу. Как назло, никого из прохожих поблизости не было. И она умоляюще крикнула, что было сил:

– Ребята, отпустите его, пожалуйста! Прошу вас!

Избивающие мельком взглянули на неё, и один из них беззлобно сказал:

– Ничего чушечка! Аппетитная...

И сразу же утратив к ней всякий интерес, они продолжали избивать парнишку с ещё большим остервенением. Когда же мальчишка упал, они стали пинать его ногами.

Рита подскочила к дерущимся, схватила одного из избивающих за запястье и попыталась вывернуть ему руку за спину. Но другой драчун схватил её за волосы обеими руками и рывком потянул голову Риты вниз. Она громко закричала от боли, но всё же продолжала держать парня за руку. Ещё через мгновение опомнился парнишка, которого избивали, и бросился под ноги тому, который держал Риту за волосы...

В дальнем конце моста показалась молодая парочка. Увидев их, девушка крикнула, что есть мочи:

– На помощь! Избивают! Помогите!

Хулиганы поняли, что пора смываться. Тот, который держал Риту за волосы, продолжая прижимать левой рукой её голову к парапету моста, правой рукой вдруг резко рванул за вырез платья. Рита выпустила руку парня, инстинктивно стараясь обеими руками свести на груди концы разорванной одежды.

Когда молодой человек и его девушка прибежали на помощь, драчунов уже не было, а избитый парень передавал свою куртку Рите, чтобы она ею накрылась. Подбежавшие начали озираться по сторонам в надежде поймать такси... Наконец они увидели внизу сразу две машины – «Волгу» и «Жигули», которые вот-вот нырнут под мост. Молодой человек пронзительно свистнул, а девушка призывно замахала руками. «Волга» пронеслась мимо, но «Жигули» подъехали к лестнице моста.

С трудом размесившись в машине, поехали всей группой

к центру города...

16. Изменил решение

Когда Виктор Парамонович открыл дверь и увидел грязного, в кровоподтёках сына в сопровождении Риты, прижимавшей к груди обеими руками куртку Димы, он долго не мог от удивления и растерянности вымолвить ни слова.

Первым нарушил молчание Дима:

– Папа, мы сейчас всё тебе расскажем! Пригласи же Маргариту Евгеньевну войти...

– Конечно, конечно, проходите в гостиную, а я сейчас приготовлю чаю.

Оказалось, что Дима проигрался в карты и должен был по приказу своих дружков исполнить любое их желание. Они же не придумали ничего лучшего, как заставить Диму как следует напугать первого, кто будет проходить через мост. Когда же он отказался, дружки решили как следует его проучить...

– Я так потрясён случившимся, что даже не нахожу слов благодарности, – взволнованно заговорил вернувшийся из кухни Виктор Парамонович. – Большое спасибо, Рита!.. А теперь давайте-ка пройдем в спальню и подберем для вас что-нибудь из гардероба жены. Ведь ваше платье безнадежно испорчено?..

– Нет, нет, не беспокойтесь, Виктор Парамонович! Лучше дайте-ка мне белую нитку с иголкой, я зашью...

– Ну, как хотите. Проходите сюда, пожалуйста!

Оставив Риту в спальне одну, Виктор Парамонович пошёл искать нитку с иголкой.

Возвратившись через пару минут, он увидел, что Рита с закрытыми глазами сидит на стуле у кровати, устало опустив руки на колени. Её разорванное платье соскользнуло с плеч, и Виктор Парамонович невольно залюбовался, как царственно вздымается и опускается во сне её необычайно пышная белая грудь, отнюдь не целомудренно скованная голубым бюстгальтером.

«А может быть, именно в этой молодой толстушке моё счастье? – вдруг подумалось ему. – Видимо, она быстрее, чем кто-либо другой, найдёт управу на моего Димку. А без такой энергичной и сильной помощницы, как Рита, я могу совсем упустить парня...»

Вдруг, словно вспышка магия, память на какое-то мгновение воскресила светлый и нежный образ Люси. Виктор Парамонович почувствовал, как мучительно сжалось его сердце, и по всему телу пробежала нервная дрожь. Но затем её образ начал постепенно блекнуть. А ещё через пару минут и совсем пропал...

Виктор Парамонович положил на трельяж катушку ниток с иголкой, ещё раз оглянулся на сладко спящую Риту и, крадучись, вышел из комнаты, не забыв бесшумно закрыть за собой дверь. Уже в коридоре он вынул из кармана адресованное Люсе письмо, некоторое время подержал на ладони,

как бы взвешивая его, а затем резко разорвал сначала пополам, потом ещё раз, уже на четыре части, и бросил клочки бумаги в корзину...

17. Мачеха

На заводе оживлённо обсуждали женитьбу Виктора Парамоновича на Рите Малюгиной. Все хорошо знали, что он более чем на пятнадцать лет старше её, что она вертушка, лентяйка. Он же, наоборот, до фанатизма любит свою работу, а в обществе женщин всегда чувствует себя скованно и потому старается по возможности избегать этого общества. Многие помнили также о его симпатии к Люсе Романовой и именно глубоким чувством к нему объясняли её бегство из Москвы. Казалось, что эта пара прямо-таки создана друг для друга, а более непохожих людей, чем Рита и Виктор Парамонович, в природе просто не существует...

И вдруг такая развязка!

Как и следовало ожидать, Рита сразу же после женитьбы взяла расчёт. Она без малейшего сожаления расставалась со своим коллективом и ни от кого не скрывала, что всегда мечтала как можно быстрее стать домохозяйкой.

Дима невольно сравнивал эту молодую, по-деревенски выносливую и очень энергичную в хозяйских делах женщину с покойной матерью и никак не мог приноровиться к мачехе. С одной стороны, он не мог не отметить, что с приходом в дом Маргариты Евгеньевны отец как бы ожил и стряхнул с себя оцепенение и безразличие ко всему, что так или иначе не было связано с работой. Но с другой – их жизнь уже

не текла так размеренно и спокойно, как при матери.

Новая хозяйка внесла со своим приходом в их семью, в их жизненный уклад, можно сказать, кардинальные перемены. Прежде всего, она составила подробнейший список мебели, одежды и бытовых предметов, которые, по её мнению, совершенно необходимы и потому их надо купить в самое ближайшее время. Затем она взяла слово с мужа, что каждую неделю он обязательно будет сдавать ей в печать один-два своих рассказа с тем, чтобы она рассылала их по различным редакциям газет и журналов на рецензирование.

Дима должен был теперь строжайше соблюдать распорядок дня и давать ей полный отчёт о своих учебных делах. Кроме того, мачеха потребовала, чтобы он познакомил её со всеми своими друзьями, дабы она имела полное представление о том, с кем он водится и как проводит свой досуг.

Под её руководством вся семья по средам и субботам занималась генеральной уборкой квартиры, которая затягивалась нередко до глубокой ночи. Однако самым любимым её занятием было сначала самой, а затем с помощью мужа составлять список приглашённых, так как приём гостей хотя бы раз в месяц стал для них обязательным.

18. Первый сбой

По правде говоря, Виктор Парамонович никак не ожидал, что так быстро окажется под пятой у супруги. Это случилось совершенно естественно, как бы само собой, так как после смерти своей первой жены он всё, что не имело отношения к работе, пустил на самотёк. И теперь он даже находил особую прелесть в том, что продолжает плыть по течению и беспрекословно подчиняется молодой жене. Он был очень благодарен Рите за то, что она не побоялась выйти замуж за человека намного старше её.

Именно Рита вывела его из состояния апатии, которое он объяснял возрастной перестройкой организма. Ему казалось – всё, что она делает в течение дня, – это лишь подготовка, некая прелюдия к ночным ласкам. Обычно Рита заканчивала свои дела по дому около одиннадцати. Облачившись в ночную рубашку, едва доходившую ей до колен, она подкрадывалась к мужу, который в это время ещё сидел, как правило, за письменным столом или в кресле с книжкой в руках, и прижималась к нему своим необычайно полным, жарким телом...

– Пора, пора, мой дорогой повелитель! – нежно шептала она и многозначительно кивала на чуть приоткрытую дверь спальни.

Виктор Парамонович подходил к изголовью кровати, по-

чему-то крадучись, и начинал медленно раздеваться. Как только эта процедура подходила к концу, Рита стремительно вбегала в спальню, грузно садилась на кровать, рывком через голову стаскивала рубашку и принимала мужа в свои любвеобильные объятия со словами: «Ну а теперь посмотрим, Витюша, как ты меня сегодня любишь!» И каждый раз она с глубоким удовлетворением отмечала про себя, что он с какой-то первобытной животной яростью и кровожадностью набрасывался на её огромное пышное тело...

Конечно же, Виктор Парамонович отлично понимал, что у него ненадолго хватит сил на то, чтобы почти ежедневно с таким пылом и страстью, эдаким безудержным темпераментом доказывать жене на пятом десятке, «как он её любит». Разве только он не мог знать, как скоро и в какой именно день произойдёт эта неизбежная осечка. Но, однако, ничего не мог уже с собой поделать.

А первый сбой наступил у него месяца через три. Правда, он остался почти незамеченным супругами, так как стало очевидным, что Рита забеременела. И в их связи наступил вынужденный перерыв...

19. Грудь мачехи

Дима заметно отставал в развитии от своих сверстников. Он был несколько ниже среднего роста, очень худой, угловатый, какой-то вялый и безразличный ко всему. Его не увлекали ни техника, ни спорт, ни книги. Но зато впечатлительность и платоническая влюблённость не столько в своих сверстниц, сколько в уже сформировавшихся физически девушек и молодых женщин доходили у него прямо-таки до болезненных размеров. Он мог часами смотреть в окно на прохожих, сразу же выбирая из людского потока и пожирая глазами полных и преимущественно светловолосых женщин. Именно они были его навязчивой мечтой и пробуждали в нём неясные желания. И образ Маргариты Евгеньевны как бы сфокусировал в себе все эти ещё не осознанные чувства и являлся для Димы очень сильным раздражителем его мужского естества.

Вскоре после женитьбы – то ли по собственной воле, то ли по просьбе Виктора Парамоновича, – она перекрасила свои каштановые волосы в белый цвет и с тех самых пор стала для Димы ещё неотразимее. Засыпая, он каждый раз мечтал увидеть её во сне. Ну а уж когда видел наяву, то смотрел на неё с таким трепетным восторгом, что это, конечно же, не могло остаться для мачехи незамеченным.

Как-то раз, когда они обедали вдвоём на кухне, Маргари-

та Евгеньевна неосторожно смахнула локтем вилку со стола. И она, и он одновременно наклонились, чтобы поднять её и чуть не столкнулись лбами. При этом верхние крылышки её халата немного разошлись, и Дима прямо-таки обомлел от открывшегося его глазам зрелища. Он тупо вперил свой взгляд в глубокую ложбинку груди мачехи и был поражён их белизной и объёмом...

«Ты почему так смотришь на меня, Дима?» – нарушила молчание Маргарита Евгеньевна. Он начал бубнить что-то нечленораздельное, не зная, что ответить. И в этот момент раздался спасительный звонок – пришёл с работы Виктор Парамонович.

Когда у Маргариты Евгеньевны родилась девочка и всей семьёй стали думать, как её назвать, то перебрали десятка два имён. Наконец решили по предложению Димы назвать её Светой, и он несколько дней не находил себе места от радости.

Однажды он вернулся из школы раньше обычного, бесшумно прошёл в гостиную и оттуда услышал, как мачеха нежно говорит своей дочери: «Наша Светочка хочет кушать? Потерпи, потерпи, моя милая! Сейчас я тебя накормлю».

Дима на цыпочках подкрался к двери спальни и заглянул в замочную скважину. Мать подошла к кровати дочери, неторопливо расстегнула кофточку и дала ей грудь. Светочка, причмокивая, начала пить из этого живого источника, закрыв глазки от удовольствия. Дима же неотрывно, с во-

ждедением смотрел на полную, набухшую молоком ослепительно белую грудь Маргариты Евгеньевны и молил судьбу, чтобы это зрелище длилось бесконечно долго.

Когда же мать, закончив кормление, застегнула кофту и уложила Свету в кроватку, он воскресил в памяти то, что только-только наблюдал, и вдруг почувствовал, как сердце его сладко защемило и от головы по всему телу прошла горячая волна. Он даже не понял сейчас, что с ним произошло, но ему нестерпимо захотелось вновь и вновь испытать это ни с чем не сравнимое ощущение...

20. Навестил любимую

Услышав от родителей Люси, где она обосновалась, Юра Копылов поехал к ней, чтобы рассказать обо всём, что произошло после её отъезда из Москвы. В тайниках души он надеялся, что как только она узнает о женитьбе Виктора Парамоновича на Рите и о рождении у них ребёнка, то возненавидит его. И пусть не сразу, но со временем возобновит с ним, Юрой, дружбу.

«Вот уж поистине, всё, что ни делается, к лучшему! Разве мог я предположить, что события развернутся именно таким образом? От сегодняшнего разговора с Люсей будет зависеть очень многое. А может быть, и вся моя судьба, – размышлял он под стук колёс электрички. – Только бы суметь найти самые тёплые, самые нужные и нежные слова! Убедить её в том, что именно со мной, и ни с кем другим, она будет по-настоящему счастлива...»

В отделе кадров турбинного завода Юре сказали, что Романова работает инженером в отделе главного энергетика, а живёт в заводском общежитии. Юра посмотрел на часы. До конца смены оставалось около получаса. И он решил подождать Люсю у проходной.

В начале шестого из цехов завода потянулась вереница людей. Многие девушки с неподдельным интересом смотрели на высокого брутального парня в тёмно-синем костюме.

А парень пристально вглядывался в лица выходявших работниц. Юра увидел Люсю в компании двух подруг, шедших по обе руки от неё. Она его, видимо, не заметила, и ему пришлось дожидаться, пока они с ним поравняются, после чего он её окликнул. Люся что-то чуть слышно сказала своим подругам и, отделившись от них, подошла к нему.

По её лицу Юра никак не мог прочесть, обрадовалась ли она его приезду, потому что Люся избегала смотреть ему в глаза. Однако он успел заметить, что она очень осунулась и выглядела сейчас гораздо старше своих лет.

– Люсенька, дорогая, почему же ты так внезапно уехала? Неужели в этом была крайняя необходимость? Хочешь, я расскажу тебе о новостях на заводе?

– Конечно, расскажи, но я думаю, что ты вряд ли сможешь дополнить письмо Виктора Парамоновича. Я получила его вчера.

– По правде говоря, чего угодно ожидал, но только не этого! Интересно, что же он мог написать в своё оправдание? Наверное, каялся и просил его простить? Но ты хоть сама понимаешь, что это уж слишком?!

– Что слишком? Я, например, считаю, что никто не в праве в чём-то его осуждать... И что он передо мной несколько не виноват... Прощай, Юра! Мне больше нечего тебе сказать. Спасибо, что навестил, – уже на ходу крикнула ему Люся и побежала догонять своих подруг.

21. Задача выполнена!

С рождением дочери Виктор Парамонович всё чаще стал задумываться над тем, правильно ли он поступил, связав свою судьбу с Ритой. Только теперь он начал понимать, что был нужен ей лишь до первого ребёнка. С появлением Светы она резко охладела и к нему самому, и к Диме.

Рита всё реже интересовалась, как идут дела на заводе, как продвигается работа над его первой повестью и как учится Дима. Весь день она опекала теперь лишь свою дочурку, частенько не успевая даже подготовить обед к приходу Димы из школы или ужин к возвращению Виктора Парамоновича с работы.

Он всё чаще, где бы ни находился, вспоминал Люсю Романову. И наконец, не выдержав, решил написать ей, что только из-за любви к сыну решился на брак с Ритой в надежде на то, что она поможет ему вырастить Диму. И кроме того, он не захотел стоять на пути Юры Копылова, безумно любившего Люсю и способного, как ему казалось, сделать её счастливой.

Отправив Люсе письмо, Виктор Парамонович не очень-то надеялся, что она ему ответит. Просто он считал своим долгом объяснить с ней до конца, хотя бы и заочно...

Став матерью, Рита с удовлетворением отметила, что её программа минимум теперь выполнена. Но она хорошо по-

нимала: для того чтобы привязать к себе мужа по-настоящему, нужен второй ребёнок. «Уж тогда-то он, миленький, никуда от меня не денется. А если и уйдёт – скатертью дорожка! Всё равно приличная часть его зарплаты будет после развода моя», – думала она. И тогда же твёрдо решила не откладывать разговор о предполагаемом мальчике, братишке для Светика, в долгий ящик.

22. Раскрылась полностью

Рита заглянула через приоткрытую дверь в комнату мужа. «Всё сидит за столом, пень бесчувственный, – подумала она и с досадой посмотрела на часы. – Даже забыл, что после одиннадцати я всегда жду его в спальне. Что это с ним сегодня? Пойду-ка я его шугану!» – решила она.

Затем Рита быстро разделась, накинула халат на голое тело и, бесшумно подкравшись к мужу сзади, заглянула через плечо в его бумаги. Её взгляд остановился на стихшке без названия и конца:

В вузе девушка училась.
Со студентом обручилась
И любовь была у них крепка!

Но профессор пожилой
Отнял у неё покой —
Ведь запретная
любовь сладка...

Прочитав это незавершённое стихотворение, Рита сразу же почувствовала, как в ней закипает негодование. «Сидит уже несколько часов и выдал лишь эти две жалкие строфы. И было бы хоть что-нибудь путное, а то чушь какая-то! Неужто сам не понимает, что он – не поэтическая натура.

А главное – ведь за рассказы и повести хоть какая-то деньга может быть, а за эту белиберду и полтинника не выручишь!» – всё больше и больше распалила она себя.

Наконец Виктор Парамонович уловил на своём затылке горячее дыхание жены и обернулся.

– А, это ты, Ритуля! Давай-ка мы с тобой вместе сейчас подумаем, как продолжить и закончить эту зарисовку. Алексей Акимович сказал, что форма этого стиха весьма оригинальна, но нужны как минимум ещё две строфы...

И вдруг осёкся.

Никогда раньше ему не доводилось видеть жену в таком гневе. Она заметно покраснела и, казалось, готова была наброситься на него с кулаками. Губы её дрожали, глаза округлились, а зрачки увеличились в несколько раз. Рита так порывисто дышала, что было совершенно непонятно, как две малюсенькие пуговицы не дают распахнуться её халату, под которым неудержимо вздымаются и опускаются, подобно волнам прибоя, два неистовых холма её огромных грудей...

Но вот Риту прорвало:

– Я его жду, жду. Время уже двенадцатый час, а он, оказывается, для незадачливых студенток бредни сочиняет! Да ещё и меня пытается к этому приобщить. Так вот как ты меня любишь?!

Виктор Парамонович смотрел на жену и всё более и более поражался, как же быстро сумела она преодолеть путь

от озорной, кокетливой девочки до эдакой властной матроны, диктующей ему свою волю.

«Да, вот когда ты, милочка моя, раскрылась полностью. Только теперь я понял, что тебе от меня было нужно – деньги, деньги, ничего кроме денег», – горестно подумалось ему.

Но Рита, видимо, уже поняла, чтохватила через край, и попыталась загладить этот инцидент.

Она вдруг распахнула халат и набросилась на мужа, помогая ему раздеваться прямо за письменным столом.

– Ну, скорее же, скорей! Ты же видишь, дорогой, что я уже совсем взбесилась от долгого ожидания. И потому не понимаю, что говорю и что делаю...

Виктор Парамонович попытался было взять жену на руки и отнести в спальню, но вдруг услышал её уже почти совсем спокойный и вполне удовлетворённый шёпот:

– Не надо, не надо, дорогой. Надорвёшься! А ты мне здоровый нужен, причём сильный и ласковый. Ну, улыбнись же мне скорее... Вот так... А теперь ты мне покажешь, как меня любишь...

Когда угас любовный порыв, и они молча лежали с закрытыми глазами, думая каждый о своём, Рита вдруг резко повернулась к мужу и зашептала ему на ухо:

– А не кажется ли тебе, Витюша, что нашей Светочке нужен братик? Или на худой конец сестрёнка?

Виктор Парамонович не торопился с ответом и продолжал молча лежать на спине, как будто ничего не слышал. Такая

реакция мужа была для Риты полной неожиданностью.

«Да, не так-то он прост, как я думала, – сделала она для себя открытие. – Слишком обидчивым что-то стал. Ему и слова не скажи! Ну да я тебя всё равно переломаю, старая кляча. Будешь у меня опять шёлковым. Обязательно будешь! Всё будет, как я хочу».

– Надо подумать, Ритуля. Сможем ли мы поднять троих? Ведь тебе, я вижу, со Светиком и Димкой нелегко приходится...

– Ладно, ладно, думай, голова! – ответила Рита с кривой усмешкой и отвернулась к стене.

23. Подсмотрел...

Дима, конечно, видел, что его отец живёт с молодой женой далеко не в полном согласии. Но супруги старались по возможности не выяснять отношений в его присутствии. И потому он не знал истинной причины их размолвок. Дима продолжал боготворить Маргариту Евгеньевну и старался не обращать внимания на её придирки по любому поводу.

В свои шестнадцать лет он заметно возмужал и вырос. Однако период становления как мужчины у него только начинался. Организм же его требовал ответа на главный вопрос, который рано или поздно возникает у каждого – что же такое любовь?

И если на первую часть этого вопроса – что такое любовь духовная? – он ещё как-то мог сам себе ответить, то на вторую его часть – что такое любовь плотская? – он пока ничего определённого сказать не мог, так как у него ещё пока не было возлюбленной. С девушками даже говорить на эту тему он не решался, а женщины вообще пока не принимали его всерьёз...

Как-то накануне майских праздников Виктора Парамоновича направили в двухнедельную командировку. Дима приходил из школы и чувствовал, что не может заставить себя заниматься уроками. Правда, он раскладывал учебники на письменном столе отца, открывал и листал ту или иную

книгу, но никак не мог сосредоточиться...

Все его мысли неизменно возвращались к образу Маргариты Евгеньевны.

«Чем она сейчас занимается?» – ежеминутно задавал он себе один и тот же вопрос и прислушивался к каждому шороху.

В один из таких ничем не примечательных дней Маргарита Евгеньевна, как обычно, приготовила обед и крикнула:

– Дмитрий, обедать!

Придя на кухню, Дима увидел, что на столе стоит его любимая окрошка, рядом лежат два больших ломтя чёрного хлеба с колбасой. Тут же, неподалёку, кружка с молоком. Он с жадностью набросился на окрошку, но внезапно его слух уловил тихий плеск воды в ванной.

Он сразу же замер, и сердце в его груди бешено заколотилось. «Маргарита Евгеньевна моется», – догадался он. И его мозг лихорадочно работал сейчас лишь в одном направлении: «Как незаметно понаблюдать за ней?»

Помог ему случай... В спальне закапризничала Светочка. Через минуту щёлкнула задвижка ванной комнаты, и Дима замер в ожидании, понимая, что Маргарита Евгеньевна уже бросилась на крик дочери. Осталось проверить, успела ли она одеться, когда выбегала из ванной.

Осторожно выглянув из кухни, он увидел, что из ванной в спальню ведут мокрые следы, а дверь спальни немного приоткрыта. Не помня себя от радости, Дима, крадучись, подо-

шёл к заветной двери. Щель оказалась вполне достаточной, чтобы видеть, что происходит в спальне...

Мать склонилась над кроваткой дочери. Выбегая из ванной, она успела лишь обмотать полотенцем нижнюю часть талии, наподобие набедренной повязки первобытных людей. Больше на ней ничего не было. С её обнажённого прекрасного тела стекала вода. И в том месте, где женщина стояла, образовалась небольшая лужица.

Юноша почувствовал, как всё его существо содрогнулось, а затем по всему телу разлилось всеобъемлющее, сладостно-щемящее ощущение ни с чем не сравнимого блаженства. Он опять пребывал в том же сладострастном состоянии, как тогда, когда впервые увидел Маргариту Евгеньевну, кормящую девочку грудью.

«Скорее на кухню! – пронеслось у него в голове. – Иначе мачеха заметит, что я за нею подсматривал!»

Дима как-то боком отошёл от двери спальни и стремительно пробежал расстояние, отделяющее его от кухни. А ещё через несколько секунд он уже сидел за столом и пытался было снова приняться за окрошку, но оказалось, что аппетит у него совершенно пропал...

24. Беседа с сыном

Когда Виктор Парамонович вернулся из командировки, то сразу же заметил, что с его сыном что-то случилось. Он стал очень задумчив, ещё больше похудел и, казалось, хочет поговорить с отцом о чём-то очень важном. Но никак не может решиться или просто не знает, с чего начать.

Виктор Парамонович некоторое время выжидаяще смотрел на сына, а затем решил помочь ему, задав наводящий вопрос:

– Дима, тебя, я вижу, что-то беспокоит? Откройся мне, и тебе сразу же станет легче...

– Да, папа, я хочу попросить у тебя совета. Мне кажется, что я влюблён. И это чувство завладело всем моим существом. У меня всё валится из рук. На носу выпускные экзамены, а я никак не могу сосредоточиться. Умом я вроде бы понимаю, что влюбляться мне ещё рановато, но ведь сердцу не прикажешь? Что же мне делать?

– Но пока я не буду знать, кто твоя возлюбленная, мне трудно будет тебе помочь, Дима. Если ты не можешь или не хочешь пока называть её, то и не надо. Но скажи, по крайней мере, сколько ей лет, учится ли она где-нибудь, как выглядит...

– В том-то всё и дело, папа, что я не могу сказать тебе, кто она. Во-первых, это было бы предательством по отношению

к ней, а во-вторых, если бы ты узнал, кого я люблю, ты бы просто-напросто выгнал бы меня из дома...

– Ну ладно, ладно, не говори. В таком случае я попробую дать тебе несколько советов, так сказать, общего характера.

И Виктор Парамонович долго и терпеливо объяснял сыну, что жизнь человеческая полна тайн и соблазнов.

– В природе так много загадок, что наука на многие из них до сих пор не дала ответа. Но, несмотря ни на что, жизнь – это прежде всего труд. И только трудом можно добиться всяческих благ и права на счастье. Любовь же – это один из самых великих и ценных даров, которые Природа отпустила человеку. И только человеку, причём далеко не каждому. Если к тебе это чувство уже пришло, то надо всей душой радоваться этому, и обращаться с ним нужно очень бережно... Ибо расплескать любовь можно легко, а обрести её вновь почти невозможно. Но в одном не может быть никаких сомнений – любовь должна окрылять человека, помогать ему в труде и борьбе, а главное – воодушевлять на большие и полезные для общества дела...

25. Размолвка

– О чём это ты шушукался с Дмитрием до полуночи? – ленивым сонным голосом спросила Рита мужа, когда он вошёл в спальню.

– Видишь ли, Ритуля, наш Димка, кажется, влюбился. Но никак не хочет сказать, кто его избранница!

– Глупости всё это, Витюша! Не хочет, видите ли, учиться, а захотел жениться, – нараспев и не без ехидства, как показалось Виктору Парамоновичу, произнесла Рита, продолжая лежать под одеялом. Однако её лицо при этих словах озарилось загадочной улыбкой.

Затем, став снова серьёзной, она резко отбросила одеяло, приподнялась с некоторым усилием над подушками и хотела, как обычно, одним ловким движением сорвать тонкую батистовую ночную рубашку через голову. Но на сей раз ей удалось лишь натянуть непослушную ткань на голову – видимо, копна волос зацепилась за прорезь рубашки, – и Виктор Парамонович невольно отметил про себя: «Ну и разнесло тебя, матушка, после родов! Прямо-таки слонихой стала».

Повторным рывком Рита с каким-то звериным остервенением стянула рубашку с головы и, покраснев от гнева, продолжила свою мысль:

– Да глупости это у него, и больше ничего! Он сам себя возбуждает, а потом мучается, объясняя это любовными

приступами. А мне в результате приходится простыни стирать. Ты бы посмотрел хоть раз, на что они похожи!

– Послушай, Рита! Но ведь это же обычные поллюции – семяизвержение во сне. В его возрасте все мальчишки проходят через это...

– Какие там ещё поллюции? Всё это просто дурацкие выходы и крайняя распушенность. Скажи ему, а то я сама скажу, чтобы он сам стирал и гладил свои простыни. Не маленький! Я уверена, что так будет лучше для всех нас.

Виктор Парамонович горестно вздохнул и не стал ей больше возражать. Однако этот разговор запомнился ему надолго...

26. Учинила скандал

Виктор Парамонович ворочался с боку на бок, ещё не потеряв надежду заснуть хотя бы на пару часов. Но спать никак не хотелось. Он уже не раз замечал, что если день на работе выдался тяжёлый да к тому же если успел поругаться с женой, то бессонная ночь ему гарантирована.

А стычки с ней последнее время стали для него обычным делом. Как-то раз Рита встретила свою закадычную подругу и проболталась ей, что муж её уже и не мужик вовсе, а так – недоразумение какое-то. Начав изливаться бывшей сослуживице на улице, она затем привела её в дом и, потеряв над собой всякий контроль, рассказала о физической слабости мужа во всех подробностях. Правда, где-то в середине рассказа она спохватилась, чтохватила через край и что теперь все обязательно узнают о «тайне», которую она раскрыла своей товарке под большим секретом. Но, взяв с неё слово, что никто больше об этом не узнает, Рита сразу же успокоилась...

Поначалу ей казалось, что муж просто притворяется или не хочет по какой-то непонятной ей причине добросовестно выполнять свои супружеские обязанности. Правда, она всегда помнила и о большой разнице в возрасте между ними, и о том, что он очень устаёт на работе, и о предстоящей защите диссертации, и о его литературных трудах... Всё это так. Но ведь могла быть и ещё какая-то серьёзная причина?

Например, возможно он продолжает вздыхать по своей старой зазнобе, Люське. Или завёл какую-нибудь новую кралю. И теперь у него на неё – законную жену и на эту свиристелку – пороху не хватает... Но факт остаётся фактом – толку от него в постели никакого. А ведь она хорошо помнила, как ещё совсем недавно он набрасывался на неё с лихорадочным блеском в глазах, стоило только спросить: «Ну, как ты сегодня меня любишь?» или «Как ты это делаешь, как?» И к этим страстным порывам мужа за несколько лет супружества она успела привыкнуть. Принимала их всегда как должное, как естественную необходимость...

Некоторое время она всё это стоически терпела, продолжая теряться в догадках об истинных мотивах слабости мужа. Но затем её вдруг прорвало, и Рита закатила мужу сначала «предупредительный скандальчик» в постели, а затем, как уже было сказано, излилась своей подруге.

Каково же было удивление и отчаяние Виктора Парамоновича, когда он услышал от нескольких сослуживцев, что его жена сделала достоянием гласности интимную сторону их отношений. И если о болтовне жены на заводе он мог судить только по рассказам, то уж «постельный вариант» её речи помнил почти дословно: «И как это получилось, что я остановила свой выбор на эдаком недотёпе? Ведь были же у меня и получше варианты! Взять, к примеру, Якова – на днях с блеском защитил докторскую диссертацию; Пётр стал недавно директором кирпичного завода; Семён по тор-

говой части пошёл и уже командует мясным отделом... Все вышли в люди. И все они меня любили... И как любили! Как вспомнишь, так мороз по коже! А ты что такое? Вечный замнедоучка. Да к тому же ещё и импотент! И от этого ничтожества я заполучила ребёнка! Да кому же я теперь нужна, когда уйду от тебя? Почти тридцатилетняя баба, да ещё с „хвостом“. С тебя и алиментов-то приличных не возьмёшь! Прямо хоть сейчас в петлю! Ну чего молчишь? Конечно же, я понимаю, что тебе и сказать-то в ответ нечего... Кругом виноват – вот и молчишь! Да ещё, наверное, посмеиваешься в душе – мол, будучи таким рохлей, урвал красавицу, попользовался её молодым роскошным телом, а теперь и не нужна стала...»

После таких излияний жены Виктор Парамонович уже окончательно понял, что жить вместе они больше не смогут. Разрыв неизбежен. И произойдёт это, видимо, в самое ближайшее время.

В течение следующего месяца между супругами произошла целая серия стычек, после чего они решили расстаться...

27. Вернулся из армии

Отслужив в армии, Дмитрий Уланов решил устроиться на завод, где его отец, Виктор Парамонович, работал уже главным инженером. Правда, отец несколько удивился этому, помня, что сын собирался после службы поступать в военное училище. Однако спорить с ним не стал, а лишь спросил: «Ты твёрдо решил, Димуля? Если да, то пусть будет по-твоему!»

Армейская служба весьма благотворно подействовала на Дмитрия. Он стал подтянутым, энергичным и целеустремлённым юношей. Его мускулистая, крепкая фигура хорошо гармонировала со смуглым овальным лицом. Довольно редкое сочетание иссиня-чёрных волос и светло-серых больших глаз вызывало повышенный интерес у девушек. Он избавился от чрезмерной робости и мог теперь завязывать с ними непринуждённый разговор...

Лёгкой пружинистой походкой Дмитрий поднялся на третий этаж, быстро прошёл в конец длинного узкого коридора и постучал в дверь начальника отдела. За массивным двухтумбовым столом сидел пожилой мужчина в очках, с остатками рыжих волос на голове. Не отрываясь от бумаг, он неопределённым кивком то ли поздоровался, то ли предложил садиться. Дмитрий опустился на один из стульев у стола и стал ждать, когда начальник освободится.

Наконец мужчина отложил в сторону бумаги и, улыбнувшись, представился:

– Симагин Юрий Петрович!

– Дмитрий Уланов, – бодро, в тон ему ответил юноша. – Вот, отслужил в армии и решил работать на заводе. Если возьмёте, конечно!

Юрий Петрович с грустью смотрел сейчас на сына своего бывшего зама, и не верилось, что это тот самый парень, который каких-нибудь три года назад робко исповедовался отцу о своих первых юношеских увлечениях. Тогда, по словам Виктора Парамоновича, Дима был нервным, неуравновешенным и слабым физически...

«Вот ему-то служба явно пошла на пользу, – подводил итог своим рассуждениям Юрий Петрович. – Хлюпиком его теперь никак не назовёшь...»

– От чего же не взять? Возьмём, конечно. Завтра же и оформляйтесь. Найдите в отделе Людмилу Леонидовну, ведущего инженера, и скажите ей, что я просил ввести вас в курс дела.

28. Неожиданная встреча

Когда Дмитрий вошёл в конструкторское бюро, то его сразу же поразило обилие света. Казалось, нет уголка, куда бы ни проникали через большие, во всю стену окна лучи утреннего солнца.

Сразу же при входе, слева, за большим кульманом сидела молодая миловидная женщина. Дмитрий почему-то почти не сомневался, что она и есть Людмила Леонидовна. Однако прежде чем подойти к ней, он решил получше осмотреться.

По обе стороны от узкого прохода стояли кульманы и небольшие одностумбовые столы, а в самом конце этого прохода, у стены, приютились два маленьких столика с пишущими машинками.

Ему не удалось сразу сосчитать, сколько людей сейчас работало, так как многие из них сидели за чертёжными досками, и были слышны лишь их приглушённые голоса. Но так как его интересовало, сколько конструкторов, хотя бы и приблизительно, работало в отделе, то он продолжал считать: двенадцать, тринадцать... и вдруг осёкся, увидев Маргариту Евгеньевну. Она сидела за пишущей машинкой и уже показывала знаками, чтобы он подошёл к ней.

– Вот так встреча! – радостно воскликнула она, как только Дмитрий поравнялся с её столом.

– Садись и рассказывай! – приказала она, ощупывая его

жадным взглядом.

– Что же рассказывать? Вот, отслужил три года в армии и пришёл работать на завод. Вчера Юрий Петрович сказал мне, чтобы я обратился к Людмиле Леонидовне...

– Понятненько, – перебила его Маргарита Евгеньевна. – Она сейчас замещает начальника КБ. Сидит при входе, налево. Ты уже проходил мимо неё. – И она кивком указала на ту самую милостивую женщину, к которой Дмитрий собирался обратиться, когда вошёл в зал.

– Ну ладно, сейчас иди к ней, а мы с тобой потом потолкуем. Ещё чего доброго скажет, что я опять отлыниваю от работы. С неё станется!

Дмитрий остановился за спиной Людмилы Леонидовны и стал наблюдать, как она чертит.

– Я слушаю вас, молодой человек, – сказала женщина, не отрываясь от работы.

– Здравствуйте, Людмила Леонидовна. Мне Юрий Петрович сказал, что вы дадите мне задание...

– Вас, если не ошибаюсь, зовут Дмитрием Викторовичем? Впрочем, я могла и не спрашивать об этом. Ведь вы – копия своего отца. Я узнала вас сразу, как вы вошли в отдел.

Она резко повернулась и внимательно посмотрела на него, собираясь с мыслями. Затем продолжала:

– Надеюсь, что вы будете таким же трудолюбивым и инициативным, как ваш отец. Он был всегда образцом для нас. Но я хочу сразу же вас предупредить – не исключено, что по-

началу в ваш адрес могут быть всевозможные сплетни. Так вы старайтесь не обращать на них внимания. Ведь Виктор Парамонович – фигура на заводе очень заметная, и поэтому к вам будут присматриваться особо... Ну а теперь я расскажу, чем вы будете заниматься на первых порах.

Дмитрий внимательно слушал объяснения ведущего инженера и в это время пребывал в каком-то необычном для себя приподнято-восторженном состоянии. Он старался запечатлеть сегодняшний день во всех подробностях. Ведь как-никак это первый трудовой день в его жизни.

Но вот Людмила Леонидовна отпустила его от себя и показала ему рабочее место. Как только Дмитрий сел за свой стол и начал выдвигать ящики, чтобы проверить, не осталось ли в них что-нибудь от предшественника, он сразу же обнаружил записку.

Он медленно развернул её и прочитал: «Я должна сообщить тебе что-то очень важное. Приходи ко мне сегодня в шесть вечера. С приветом, М. Е.» На обратной стороне записки был указан адрес, по которому он должен прийти.

Обернувшись, Дмитрий увидел, что Маргарита Евгеньевна выжидающе смотрит на него. Он утвердительно кивнул и весело подмигнул ей. Она в ответ улыбнулась и сразу же остервенело застрекотала на машинке.

29. Мечты иногда сбываются...

Около шести вечера Дмитрий позвонил в квартиру Маргариты Евгеньевны и почти сразу же услышал за дверью топотливые шаги. Как только дверь отворилась, он увидел спину быстро удаляющейся хозяйки. Маргарита Евгеньевна была в пляжном наряде и шлёпанцах. Одной рукой она набрасывала на плечи домашний халат, а другой держала большое мохнатое полотенце.

– Извини, Дмитрий, я не думала, что ты будешь так пунктуален и надеялась, что до твоего прихода успею принять душ. Проходи же в комнату! Обувь не снимай – я буду мыть пол.

– Я сам виноват, что пришёл слишком рано. Вы делайте свои дела. Я подожду.

– Ну, хорошо, я быстро. Осмотри пока мою однокомнатную...

В ванной послышался шум падающей воды, и Дмитрий сразу же вспомнил, как три года назад подсматривал в дверную щель за Маргаритой Евгеньевной, выбежавшей из ванной на крик дочери.

Теперь ситуация повторялась, но Светы почему-то не было дома.

«Наверное, с детсадиком за город уехала?» – догадался он. И вдруг он увидел, что мохнатое полотенце, которое Мар-

гарита Евгеньевна держала в руках, когда открывала ему дверь, лежит на кровати.

«Похоже, что она пригласила меня с определённой целью. Ведь после развода с отцом она живёт одна. И наверняка помнит, как я её боготворил перед армией...» – взволнованно думал он, чувствуя, как бешено колотится сердце.

– Дмитрий, ты где? Перейди, пожалуйста, на кухню. Я, кажется, оставила полотенце в комнате. Мне нужно пройти за ним. Слышишь?

– Да, да! Я уже вышел из комнаты...

Верхняя половина кухонной двери была сделана из резного фигурного стекла, и Дмитрий видел сквозь него, как Маргарита Евгеньевна, совершенно голая, быстро вышла, взяла в комнате полотенце и снова вернулась в ванную комнату, прикрыла за собой дверь, но не закрыла её на задвижку...

Теперь уже не могло быть сомнений: хозяйка ожидает от него решительных действий.

«Видимо, так уж суждено, чтобы она стала моей первой женщиной», – подумал он и стал лихорадочно стаскивать с себя одежду. Оставшись в майке и трусах, он нырнул под одеяло.

Выйдя из ванной, Маргарита Евгеньевна, казалось, несколько не удивилась, когда увидела Дмитрия в своей постели.

– Ну вот и ладушки, – произнесла она нараспев, сбросила халат и, оставшись в трусиках и лифчике, легла прямо по-

верх одеяла.

– Что же теперь будем делать, малыш? Ведь ты так давно вздыхаешь по мне! Или я не права?

Дмитрий молча сорвал с себя сначала майку, затем трусы и стал ждать, когда хозяйка сделает то же самое.

Как только Маргарита Евгеньевна расстегнула бюстгалтер и два огромных белых холма груди плавно разошлись по обе стороны её полной талии, Дмитрий, не помня себя от радости, хищно набросился на эту величественную, мощную плоть. Ах, как давно и вожделенно мечтал он об этом моменте! И вот, наконец, свершилось! Не сон ли это?

Однако буквально через минуту он вдруг почувствовал, что уже впадает в состояние сладостной истомы, а сделать ещё ничего не успел.

«Да, если он будет и свою жену награждать такими ласками, то я ей не завидую!» – подумала Маргарита Евгеньевна, а вслух сказала:

– Теперь ты понимаешь, Дима, что искусству любви тоже нужно учиться. И мне, как видно, суждено стать твоей первой наставницей. Успокойся и жди, когда желание и сила снова вернутся к тебе...

Она медленно заложила руки за голову – видимо, так ей было удобнее лежать, – и продолжала ленивым и спокойным голосом:

– Ты не догадываешься, кто давал тебе задание на работе?

– Людмила Леонидовна, ведущий инженер...

– А тебе разве неизвестно, что она до сих пор влюблена в твоего отца? И что она спит и видит его своим мужем?

– Нет, я не знал об этом...

И Маргарита Евгеньевна, не жалея красок, рассказала ему и о бегстве Люси Романовой из Москвы, и о безответной любви к ней Юры Копылова, и о давней взаимной симпатии Люси и Виктора Парамоновича.

– Ну как ты теперь себя чувствуешь? – спросила она без всякого перехода. И, не услышав ответа, Маргарита Евгеньевна взяла руку Дмитрия положила её ладонью на свою большую жаркую грудь.

И почти сразу же он почувствовал, как мучительно восстало его мужское естество. Это, конечно, не укрылось от глаз многоопытной наставницы и партнёрши. Она слегка усмехнулась и вытянула вперёд обе руки, чтобы снова заключить его в свои любвеобильные объятия...

30. Стал мужчиной!

Возвратившись домой около десяти часов вечера, Дмитрий ощущал необыкновенный прилив радостных и светлых чувств. Ему хотелось верить, что став мужчиной, – теперь уже в полном смысле этого слова, – он будет ещё увереннее идти по жизни и преодолевать любые трудности.

Что же касается его «первой наставницы», Маргариты Евгеньевны, то она, как ему казалось, должна держать в секрете его визит к ней. Ведь это же прежде всего в её интересах...

«Ах, до чего же она хороша! А ведь ей, должно быть, уже за тридцать?» – прикидывал он.

И Дмитрий последовательно прокрутил в памяти всю переполненную событиями эволюцию взаимоотношений с этой женщиной. Начиная с того момента, когда она без колебаний вступила в драку с мальчишками, защищая его, и заканчивая сегодняшней встречей с постельным финалом...

Виктор Парамонович, вопреки ожиданиям Дмитрия, не стал упрекать его за позднее возвращение домой, а лишь просил впредь предупреждать заранее о возможных задержках. Он, конечно же, видел, что сын очень возбуждён, и объяснял себе это избытком впечатлений от первого трудового дня.

– Ну а теперь, Дима, я думаю, не грех нам и отметить на-

чало твоей трудовой жизни, – сказал он, разливая по рюмкам коньяк.

– Да, папа, сегодняшний день я никогда не забуду!

– Ну а на любовном фронте пока без перемен? Помнишь, как ты исповедовался мне три года назад?

– Да, помню, конечно! Но оказалось, что это была совсем не любовь, а лишь первое безобидное увлечение, которое прошло со временем...

– Вот это уже достойный ответ настоящего мужчины. Жди своего часа, то есть настоящей всеобъемлющей любви, от которой дух захватывает!!!

31. На стажировке

Сегодня Людмила Леонидовна поручила Дмитрию детализовать каркас испытательной камеры, выполненной из множества уголков. Понимая, что у него недостаточно развито пространственное воображение, он начал вырезать лезвием бритвы детали каркаса из чернильных ластиков. Затем он накладывал одну такую детальку на другую и уже наглядно видел, какие линии на чертеже должны быть видимыми, а какие нет.

– И не надоела тебе эта волынка, парень? – услышал вдруг Дмитрий у себя за спиной насмешливый голос.

Он обернулся и увидел высокого молодого мужчину с льняными волосами, который стоял, широко расставив ноги, и слегка покачивался взад-вперёд.

– Что делать? Ведь черчение не всем легко даётся. Тем более что мне больше по душе работа электрика.

– Ну вот и хорошо! Я поговорю с Юрием Петровичем, чтобы тебя перевели в мою бригаду. Будешь разрабатывать электросхемы. Согласен? – И, не дожидаясь ответа, он вышел из техбюро.

На следующий день начальник отдела вызвал Дмитрия к себе в кабинет и, усадив его напротив себя, спросил без обиняков:

– Вы хотите работать с Копыловым?

– А кто это такой?

– Инженер-электрик. Сейчас он остался за начальника бригады. Я поручил ему разработку электросхемы нашей установки. Он сказал мне, что уже разговаривал с вами вчера.

– Да-да, разговаривал. Я согласен, Юрий Петрович. Спасибо вам за заботу.

– Будете благодарить Копылова, если сработаетесь с ним. Он парень головастый, и вас обучит в два счёта. Но с характером... Ну да сами увидите. Желаю вам успеха! – И он крепко пожал Дмитрию руку.

Спустившись на второй этаж и открыв дверь с табличкой «Бригада электриков», он сразу же увидел Копылова, который сидел за кульманом у окна и знаками показывал, чтобы Дмитрий шёл к нему.

– Садись и смотри! – приказал он. – Кстати, меня зовут Юрий, а тебя?

– Меня Дмитрием. Юра, можно вас спросить?

– Ну, давай. Только обращай ко мне на «ты». Я не сторонник всяких церемоний, – ответил он, не отрываясь от чертежа.

– Хорошо, Юра, будем на «ты». Сколько времени дал тебе Юрий Петрович на разработку электросхемы установки?

– Начальник дал две недели, но я попробую сэкономить дня три-четыре, если ты мне поможешь...

– А чем я могу помочь?

– Сегодня ты будешь просто сидеть около меня и смотреть, как я работаю, а завтра я дам тебе задание. Сейчас позвонили, что Юрий Петрович собирает весь свой комсостав: ведущих инженеров и начбригов. С совещания я, видно, уже не вернусь. Так что, выходит, будем прощаться минут через сорок. Ну а сейчас следи за мной.

Юра наносил на ватман элементы схемы сначала в тонких линиях от руки, затем вычерчивал их уже с помощью офицерской линейки и чертёжных инструментов карандашом ТМ, изредка заглядывая в сборник стандартов, когда сомневался в правильности обозначения какого-либо элемента электросхемы.

Время пролетело незаметно. Прощаясь, Юрий протянул своему подопечному руку. И Дмитрий отметил про себя: «Ну и лапища!» Когда же Копылов уже ушёл, ему вдруг подумалось: «Что же будет с тем, кого он огреет этой „лопатой“? Во всяком случае, ему не позавидуешь! И эдакими-то ручищами он только что вычерчивал такие крохотные вавилончики. Да ещё как вычерчивал!»

32. В кабинете начальника

В кабинете начальника отдела собралось уже около десятка человек. Юрий Петрович посмотрел на часы и спросил недовольным голосом:

– А где Копылов?

– Сейчас придёт. Он с новичком прощается – даёт ему ЦУ, – тихо ответила Людмила Леонидовна.

И в этот самый момент действительно вошёл улыбающийся Юрий Степанович.

– Разрешите присутствовать, Юрий Петрович? – громко, по-военному спросил он, чуть задерживаясь в дверях.

– Садись. Не паясничай, – сердито буркнул начальник и снова окинул взглядом собравшихся.

Он дождался, пока в кабинете воцарится полная тишина, и начал тихим, вкрадчивым голосом:

– Товарищи! То, что я буду сейчас говорить, может быть, кому-то и не очень понравится, но у каждого руководителя свой стиль работы и свои принципы. Есть и у меня выработанные годами и сотни раз проверенные методы воспитания, – он поочерёдно задержал беглый взгляд на каждом сотруднике и продолжал уже более спокойным голосом: – Пока я ваш начальник, в отделе будет полное единоначалие. И я добьюсь, чтобы каждый из вас это понимал. Если кто-нибудь когда-нибудь поднимет кого-либо из вас с постели и спросит:

«А скажи-ка, любезный, кто у вас в отделе самый мудрый, красивый и молодой?», то надеюсь, вы сообразите, что надо ответить?

– Мы скажем, что самый мудрый, и самый красивый, и самый молодой по духу, конечно же, вы. Мы давно уяснили, что вы у нас самый-самый... Но мне не понятно, почему мы каждый раз тратим время на эти душещипательные разговоры на производственных совещаниях. Не лучше ли сразу приступить к делу. Ведь у нас их так много! И все неотложные. Вы знаете это, Юрий Петрович, как никто другой! – выпалил на едином дыхании Копылов.

– Я полностью согласна с этим замечанием, – поддержала его Людмила Леонидовна. – Давайте оставим эту бесполезную лирику и будем говорить о деле. Не нужны нам на производственных совещаниях подобные разминки!

– Может, ещё кто-то хочет высказаться по этому вопросу? – спокойным ровным голосом спросил Юрий Петрович, после чего сделал какие-то пометки в своём настольном календаре.

Начальник выждал минуту и продолжал сначала очень тихим, а затем всё более набирающим силу голосом:

– В конце нашей традиционной разминки замечу, что вопросам воспитания мы и впредь будем уделять должное внимание. И сегодня – я убедился ещё раз – пока ещё есть в этом необходимость. А с Копыловым и Романовой я проведу разъяснительную работу индивидуально, так сказать,

в рабочем порядке. И хочется вам этого или нет, но каждый из вас будет называть белое чёрным, если этого хочет начальник. К великому сожалению, ещё не все товарищи понимают, что начальник – это лицо сугубо официальное, лицо нашего отдела, а следовательно, его надо уважать и беречь!

И сразу же после этих слов Юрий Петрович понизил голос:

– А теперь, друзья мои, я буду говорить о самых, казалось бы, простых вещах. Однако почему-то эти прописные истины не всегда легко и быстро вами усваиваются. Так вот, во-первых, каждый человек должен быть на своём месте; во-вторых, каждый обязан быть мастером своего дела, то есть ПРОФЕССИОНАЛОМ.

Эти два понятия органически взаимосвязаны – они неразделимы: от одного зависит другое. Например, сотрудник работает инженером-электриком, стало быть, он должен быть таким электриком-разработчиком, чтобы все его схемы были абсолютно безотказными. В свою очередь, инженер-механик обязан так вычертить своё изделие, чтобы оно было и компактным, и эстетичным. Так же как изобретатель – хотя бы ради того, чтобы оправдать затраченный труд на создание своего изобретения – должен стремиться так оформить заявку, чтобы с первого захода получить положительное решение из института патентной экспертизы, и так далее. Я совершенно убеждён, что во всех этих случаях мы должны брать пример с профессиональных писателей и ху-

дожников... Известно, что Лев Толстой переписывал многие страницы книги «Война и мир» сотни раз, а Репин без всякого сожаления резал ножом огромное, во всю стену, полотно, если ему не удалось выразительно изобразить какое-то одно лицо на почти завершённой им картине. И таких примеров можно привести очень и очень много...

Он обвёл взглядом своих подчинённых и, убедившись, что все его внимательно слушают, продолжал:

– Теперь вернёмся к нашему отделу. Если я поручаю разработать электросхему установки Копылову, то знаю, что он выполнит её в лучшем виде. Или даю задание Романовой нарисовать общий вид изделия – опять же я спокоен, так как она не подведёт...

Ещё пример. Руководство завода поручает мне укомплектовать кадрами новый отдел, наладить в нём работу и, так сказать, давать план. На всё это срок – месяц. И директор уверен, что Юрий Петрович его не подведёт, что я всё сделаю беспрекословно, точно и в срок. Так какой же вывод из всего сказанного? И Копылов, и Романова, и я – на своём месте, то есть все мы являемся профессионалами. Как можно чаще думайте на досуге над этими моими словами, и к вам обязательно придёт успех. И мы будем вместе радоваться этому успеху и тому, что отдаём обществу свой добросовестный труд!

Ну вот, собственно, и всё. А теперь за дело, друзья мои! На дорожку скажу вам ещё парочку слов. Всегда дорожите

своим рабочим местом, и не исключено, что рано или поздно вы станете профессионалами, каждый в своём деле. А стало быть, вас будут ценить ещё выше и не забудут о дополнительном моральном и материальном стимулировании ваших успехов. О чём, кстати говоря, вы вспоминаете почему-то несколько раньше, чем этого заслуживаете...

Юрий Петрович снова окинул аудиторию цепким взглядом и невольно задержал его сначала на Копылове, а затем – на Романовой. И от него не укрылось, что они как раз в этот момент обменялись быстрой улыбкой.

«О чём же они сейчас думают? – промелькнуло в голове у начальника. – Может быть, ехидничают в душе, а как только выйдут из кабинета, сразу же начнут меня поливать...»

Он пытался принять сейчас правильное решение: или задержать их и попытаться ещё раз прозондировать, чем они дышат, или сегодняшняя похвала попала в цель, и тогда ещё одна беседа с ними была бы ошибкой...

Когда он очнулся от глубокой задумчивости, его кабинет был уже пуст.

33. О начальнике

Юрий Степанович возвращался с совещания, когда на улице уже начали сгущаться сумерки. Не раз и не два он пытался разобраться в сложных чувствах, которые испытывал к начальнику отдела. Он хотел выработать какую-то определённую линию поведения по отношению к этому человеку. И не мог. Не получалось.

Он знал, что Юрий Петрович – единственный в своём роде и неповторимый «экземпляр» руководителя-номенклатурщика: болезненно самолюбивый, тщеславный и завистливый. Если когда-нибудь хвалили не его, а какого-то другого начальника, пусть даже и заслуженно, то он воспринимал это не иначе, как личное для себя оскорбление.

Основной же движущей силой Юрия Петровича была зависть к людям, которые, будучи одного с ним возраста или даже моложе его, успели добиться большего, чем он. И как ни странно, может быть, именно благодаря этой черте своего характера в немалой степени он был обязан и тому, что защитил диссертацию, что его назначили начальником одного из самых больших на заводе отделов.

Главным же для него всегда было правильно выбрать для себя лидера. Правда, сначала он намечал несколько кандидатур, которые на одну-две ступеньки стояли выше его. Однако через какое-то время, после мучительных раздумий и тя-

гостных сомнений, он оставлял, в конце концов, одного. При этом он был глубоко убеждён в том, что этот «выскачка», как он величал своего очередного лидера, вырвался вперёд отнюдь не благодаря своим способностям или трудолюбию, а лишь потому, что попал в струю и вовремя получил проекцию от какого-то высокого чиновника. «Если нет третьей ноги, которой бы тебя всё время толкали под зад, то есть если ты не блатной, считай что ты инвалид», – без устали повторял Юрий Петрович своим сослуживцам. «Вот ежели бы меня кто-нибудь подтолкнул, хотя бы самую малость, то был бы я сейчас как минимум замначальника главка...» – и каждый раз после этого откровения он задумчиво закатывал глаза, причём у собеседника неизменно складывалось впечатление, что в этот момент Юрий Петрович одновременно смотрит в разные стороны.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации он вызывал по очереди к себе в кабинет – Юрий Степанович как сейчас это помнит – всех, кто, по его сведениям, занимается в литкружке, и внушал им, причём на полном серьёзе, что они должны со временем (когда достигнут необходимого мастерства) стать его биографами. «Следите за каждым моим шагом и словом, вникайте в стиль моего мудрого руководства. Сейчас я стал кандидатом технических наук. Но не успеете оглянуться, как я буду сначала доктором наук, а затем и членом-корреспондентом РАН... И если вы не сохраните для истории важнейшие подробности моей жизни,

то потомки нам этого не простят», – тихим, вкрадчивым и ровным голосом говорил он обычно кому-то из них. И при этом очень внимательно следил за выражением лица собеседника, дабы не упустить «кощунственную усмешку», если таковая, не дай Бог, промелькнёт по лицу будущего «биографа».

Если же Юрий Петрович убеждался, что на кого-то эти проповеди не действуют, то без особого труда находил способ от него избавиться. И ведь надо же было так распорядиться судьбе, чтобы этот страдающий манией величия человек действительно обладал от природы волшебным даром безошибочно подбирать людей для работы в своём отделе. При этом он всегда делал и правильную расстановку сил. За все пятнадцать лет работы начальником его коллектив не только ни разу не сорвал план, но и, как правило, занимал призовые места в заводском соревновании.

«Я никогда не считал, да и сейчас не считаю, себя хорошим разработчиком, но зато убеждён в том, что никто и никогда не упрекнёт меня в слабости руководства или недостаточно правильном воспитании подчинённых», – нередко говорил он.

И сейчас в ушах Юрия Степановича ещё стояла фраза, обронённая шефом на последнем совещании: «...А ваше дело, товарищ Копылов, не „разговоры разговаривать“ и шпильки бросать в адрес руководства, а лучше „работу работать“ – электросхема установки должна быть сдана на утверждение

в установленный срок. И кроме того, запомните сами и знакомым своим передайте, что я не потерплю подрыва основы основ, то есть принципа единоначалия и авторитета руководителя. Вот когда доверят вам отдел, тогда и будете свои порядки устанавливать...»

Ах, как жалел сейчас Юрий Степанович, что не дано ему литературного таланта природой, а то не пожалел бы он красок для описания чудачеств этого кичливого и самовлюблённого псевдоруководителя...

34. Об изобретательстве

На следующий день Юрий Степанович, как и обещал, дал Дмитрию чертёж общего вида установки и техническое описание на один из узлов.

– Твоя задача – как можно быстрее разобраться в алгоритме работы установки и сделать электросхему распределительного узла. Срок – дня полтора. Будет что-то непонятно, обращайся ко мне. Я помогу.

Дмитрий сразу же после этого разговора обложился учебниками и справочниками, чтобы найти в них какие-то фрагменты будущей схемы.

До обеда Копылов внимательно наблюдал за своим подопечным, но ничего ему не говорил. Однако он уже понял, что в ближайшее время ожидать от юноши какой-то действенной помощи не приходится. Поэтому после обеденного перерыва он подошёл к Дмитрию и сказал:

– Ну а теперь давай-ка побеседуем немного об изобретательстве. Это тебе очень поможет в нашей работе. Ведь все наши разработки должны быть на уровне мировой новизны.

Юрий Степанович вдруг вскочил и стал медленно прохаживаться из угла в угол, как будто пытался определить площадь комнаты лишь с помощью одной гипотенузы.

– Возьмём, к примеру, обыкновенный стул. Ведь и на него кто-то когда-то тоже получил патент. Хоть это и кажется нам

сейчас невероятным. Так вот, до изобретения стула была известна табуретка. Стало быть, и возьмём её за ближайший аналог, то есть за прототип. А теперь попробуем составить формулу – или как иногда говорят – предмет изобретения. Табуретка, состоящая из сидения и четырёх ножек (это ограничительная часть формулы), о т л и ч а ю щ а я с я тем, что с целью удобства расположения на ней тела человека сидение снабжено спинкой, выполненной в виде рамки... и так далее. (Это уже отличительная часть формулы.)

Он выдержал паузу, затем продолжил:

– Конечно же, я очень схематично и условно попытался на примере стула показать тебе лишь самый принцип составления формулы изобретения. На практике всё это выглядит гораздо сложнее. Но об этом – в следующий раз. Пока что, я думаю, для тебя вполне достаточно и этой информации... Перевари её и попробуй самостоятельно составить несколько таких формул, хотя бы для начала опять на что-нибудь из мебели... Это так называемые конструктивные изобретения – или, как принято говорить у изобретателей, – изобретения «на устройство». Ну а завтра я расскажу тебе, как составляется заявка на «способ» и «вещество»...

На следующий день Юрий Степанович подошёл к Дмитрию сзади и, обняв его за плечи, дружески притянул к себе:

– Я вижу, конечно, что ты стараешься. Вон сколько бумаги перевёл! Но, к сожалению, опыта по разработке схем у тебя пока никакого нет. И потому начнём изучать эту премуд-

рость с нуля... Главное – ты должен хорошо представить, как и в какой последовательности работает каждый элемент нашей электросхемы, а уж затем вычёркивать что-то на бумаге... Надо научиться мыслить и рассуждать (про себя, конечно) логично и досконально знать устройство всех основных силовых и коммутационных элементов. А сейчас сходи-ка к электромонтажникам и посмотри, как рабочий класс трудится. Это тебе ой как сейчас необходимо!

Когда Дмитрий вошёл в комнату монтажников, то очень удивился, увидев сидящую к нему спиной Маргариту Евгеньевну, которая темпераментно рассказывала что-то четырём обступившим её парням. Он встал позади неё и стал ждать, когда она закончит свой рассказ, чтобы потом познакомиться с монтажниками.

Не замечая его, Маргарита Евгеньевна возбуждённо продолжала:

– Мне кажется, ему суждено быть неудачником. Делал попытку чертить каркасы корпусов – не получилось, пробовал разрабатывать электросхемы – опять осечка! Что же касается его способностей, как Дон Жуана...

– Здравствуйте! – прервал её рассказ Дмитрий, поняв, что речь идёт о нём. – Извините, товарищи, но Юрий Степанович посоветовал мне с вами познакомиться. Хочу освоить пайку электросхем...

Малюгина резко обернулась на знакомый голос, и все увидели, как её круглое лицо начинает заливаться густой крас-

кой. А ещё через минуту она уже метеором вылетела из монтажной мастерской.

35. Застукал!

Лишь теперь Дмитрий по-настоящему понял, как была права и дальновидна Людмила Леонидовна, когда предупредила его о возможных сплетнях в его адрес. Пришлось ему испытать на себе и коварство бывшей мачехи, которая заманила его к себе домой, чтобы трезвонить сейчас о нём направо и налево.

«Видимо, она решила отомстить таким образом моему отцу за то, что он оставил её?» – с горечью думал Дмитрий, и сердце его сжималось от этой страшной догадки. «А когда это известие дойдёт до моего отца, каким это будет для него ударом! Но ведь должен же быть какой-то выход? Прежде всего, необходимо нейтрализовать Малюгину. Но как это можно сделать? Правда, теперь появилась надежда, что она хотя бы на какое-то время перестанет сплетничать, раз я её застукал. Что же касается моей работы, то я попрошу Юрия Степановича давать мне задание на дом. Лишь бы побыстрее добиться какого-то осязаемого результата!»

Пребывая в таком подавленном настроении, он не заметил, как к его столу тихо подошла Людмила Леонидовна. Постояв некоторое время в нерешительности, она всё-таки обратилась к Дмитрию:

- Мне нужно с вами поговорить, Дмитрий Викторович.
- Да-да, пожалуйста, Людмила Леонидовна!

– Пойдёмте-ка со мной...

Как только они вышли в коридор, Людмила Леонидовна начала рассказывать:

– Сегодня Малюгина не вышла на работу. А ведь я ещё вчера заметила, что она была чем-то очень озабочена. По моей просьбе Юрий Степанович зашёл к ней домой, чтобы узнать что случилось. Оказывается, она серьёзно заболела, и её уже доставили в больницу. Не могли бы вы навестить её?

– Не беспокойтесь, Людмила Леонидовна, я сегодня же вечером навещу Маргариту Евгеньевну...

36. Злокачественная опухоль

Прежде чем зайти в палату к Маргарите Евгеньевне, Дмитрий решил поговорить с лечащим врачом. Он сказал, что больная была доставлена в приёмный покой каретой скорой помощи. Она жаловалась на периодические сильные боли в области левой груди. Основную причину заболевания сама Маргарита Евгеньевна видела в сильном стрессе на производстве. Об этом она подробно рассказала врачу. Он сразу же проникся к ней искренним сочувствием. Между прочим, от неё не укрылось, с каким вожделением и восторгом смотрел он на её роскошные формы, пока она рассказывала о своих бедах.

«Если всё обойдётся, обязательно ещё не раз навещу этого милого очаровашку после выписки из больницы. Может быть, Бог даст, у нас с ним что-то ещё сложится», – подумалось тогда ей...

Однако снимок показал, что опухоль злокачественная. Когда врач передавал этот снимок Маргарите Евгеньевне, в его глазах стояли слёзы...

Консилиум врачей принял единственно правильное решение – удалять поражённую раком грудь, дабы вторичные очаги болезненного процесса не появились в новых местах её организма...

И вот сегодня, следуя совету лечащего врача, Дмитрий

не стал заходить в палату, где лежала Маргарита Евгеньевна, а только передал через дежурную медсестру записку от сослуживцев и фрукты.

37. Суицид

Выписавшись из больницы, Рита Малюгина твёрдо решила не появляться больше в отделе. Зная свою натуру, она хорошо понимала, что, потеряв привлекательность, уже никогда не сможет быть весёлой и непосредственной, как прежде. Ей было вполне достаточно увидеть рубец в том месте, где совсем недавно находилось нечто, что было главным её достоинством, чтобы сразу же начать обдумывать детальный план самоубийства.

«Я слишком привыкла к тому, что своей буйной красотой и сногсшибательными нарядами легко покоряю сердца мужчин. Теперь же я буду вызывать у них в лучшем случае жалость и сострадание, а в худшем – неприязнь и отвращение... О женщинах же лучше вообще не думать. Любая из них теперь отыграется на мне, если захочет. Даже „плоскодонки“ с нулевым номером бюста могут унижить меня!» – с горечью думала она. И её огромные серые глаза не просыхали от слёз...

Приняв в тот же вечер окончательное решение, она делала всё уже почти автоматически. Нашла чистый лист бумаги, села за стол и быстро написала: «Дорогие мои, Витюша и Дима! Простите меня, если можете, за всё. Об одном вас только прошу – берегите Светика. Мне ждать от жизни больше нечего... Прощайте!» Записку эту она почему-то не под-

писала.

Затем она открыла воду в ванной и положила на туалетную полочку пачку лезвий для безопасной бритвы. Когда ванна наполнилась на половину тёплой водой, она, как была, в халате, легла в неё. Очень медленно вынула из обёртки лезвие и вдруг резким молниеносным движением полоснула им по кисти левой руки, а затем сразу же опустила её в воду...

Уже через несколько минут Рита почувствовала, что её сознание начинает медленно угасать. В голове мелькали теперь лишь какие-то беспорядочные, хаотичные обрывки мыслей: «...Витюша, почему вначале ты предпочёл меня, а не... Будь же смелее, Дима... Светик, не забывай свою...»

Когда ванная переполнилась и алая полупрозрачная вода начала заливать квартиру, глаза Риты Малюгиной уже закрылись навсегда...

38. Разговор на кладбище

Вскоре после похорон Риты Малюгиной автобусы с детьми заводского детского садика должны были прибыть из Малых Вязём в Москву.

Отец и сын Улановы вместе с Людмилой Леонидовной пока ещё стояли у могилы только что похороненной Риты. Они разговорились...

– Да, жизнь заметно видоизменилась, – задумчиво говорил Виктор Парамонович. – Вспоминаю себя рядовым инженером. Тогда мне было около тридцати. Казалось, что буду вечно молодым и вся жизнь ещё впереди. И тогда в резерве на выдвижение – я имею в виду административные должности – числились сотрудники до сорока – сорока пяти лет. А после этого возраста работник уже считался неперспективным. Однако в последние годы налицо заметная переоценка ценностей.

Вот, например, выступал недавно крупный учёный из Сибирского отделения Академии наук. Он, между прочим, отметил, что у них почти все руководители важнейших строек имеют возраст до тридцати! Или вспомним, что наиболее значительные открытия в науке и особенно в области математики и физики также делаются в двадцать пять – тридцать лет.

Нередко и основной движущей силой науки в НИИ яв-

ляются молодые учёные и аспиранты. Они наиболее активны, пока зарабатывают учёную степень, а затем, как правило, успокаиваются и «скисают». Положат в карман кандидатский диплом и плывут по инерции многие годы, если не всю жизнь. А какое-то материальное положение, между прочим, уже завоёвано. Во всяком случае, некоторая надбавка к окладу и определённый запас прочности...

– Добавлю в развитие этого, – перебил его Дмитрий, – что на Западе работников после сорока зачастую уже считают отработанным материалом.

– Так вот и я говорю, – продолжил свою тираду Виктор Парамонович, – что и в сорок, и в пятьдесят, и в ещё большем возрасте работник ни в коем случае не должен снижать своей активности! Могу привести сотни примеров, когда и учёные, и писатели, и художники достигали пика и подлинного расцвета в своём творчестве после пятидесяти лет. И продолжали творить ещё многие годы, оставляя миру свои вершинные произведения, нередко в последние годы жизни.

– А мне кажется, что основой для всякой личности являются его индивидуальные особенности, – вступила в полемику Людмила Леонидовна. – Ведь бывает, что один человек может и в пятьдесят лет выглядеть молодым и сил сохранить на троих, другой же только подходит к сорока, а уже стал полной развалиной. Всё зависит от здоровья – пошатнётся оно, и любой человек поневоле покатится вниз. Не будем при этом брать в расчёт таких незаурядных личностей,

как Алексей Маресьев или Николай Островский, – они исключение...

– Нужно уметь ставить перед собой на каждом этапе, например, на одну пятилетку, реальную цель и, не щадя себя, идти к ней, не расплескиваясь при этом на мелочи. Именно поэтому я очень ценю в человеке два качества – целеустремлённость и силу воли. Если же он делает неправильную раскладку сил и не выполнит поставленную задачу один раз, затем другой и третий, то рано или поздно надломится, получив серьёзную моральную травму, и выходит из игры, пополняя армию неудачников... Тем более он страдает, если не успел утратить после серии осечек свою болезненную амбициозность и не снял с повестки дня свои честолюбивые планы. В этом случае он неизбежно становится ещё и завистником, – Виктор Парамонович заметно волновался, когда говорил всё это. Он не смотрел, по своему обыкновению, на собеседников и нервно потирал руки.

Ему пришлось судорожно глотнуть воздух, прежде чем он мог продолжать говорить:

– Конечно, вам может показаться, друзья мои, что я изрекаю прописные истины. Но ведь и вся жизнь человеческая состоит главным образом из мелочей, банальностей и этих самых прописных истин. Где-то в чём-то чуть-чуть не дотянул, где-то не хватило времени, что-то не рассчитал... А в результате – неудача и, как следствие, разочарование, упадок сил...

Или взять, к примеру, вопрос, нравится ли человеку его работа. От этого зависит если и не всё, то очень и очень многое: правильно ли выбран жизненный путь, по силам ли ему эта работа, есть ли перспектива для роста, сможет ли он стать профессионалом в своём деле? И не торопитесь, дорогие мои, сразу же отвечать на все эти вопросы! Ибо это не так легко, как может показаться на первый взгляд. Если бы я почаще задавался подобными вопросами, то избежал бы очень многих ошибок...

– Как, папа, неужто ты считаешь, что совершал в жизни серьёзные ошибки? Тебе ли сетовать на судьбу? Ведь ты так многого уже добился! – воскликнул Дима. – Уж кому-кому, а тебе-то грех жаловаться: любимая работа; главный инженер завода, причём всеми уважаемый... Чего же ещё желать?

– Всё это так. Однако я могу насчитать и немало промахов в жизни... Во-первых, мечтал стать учёным – не получилось; во-вторых, надеялся добиться успехов в литературе – опять осечка... Так что я бы не торопился записывать себя в разряд счастливцев. А ведь всё могло быть совсем иначе! Стоило только более осмотрительно и вдумчиво намечать жизненные рубежи... Короче, я призываю вас, пока вы оба ещё очень молоды, торопитесь жить, не транжирьте время, чётче прогнозируйте свои задачи на каждый год, месяц, неделю... И будете получать радость от каждого, даже и небольшого успеха. Вы будете счастливыми! Я заклинаю вас – почаще вспоминайте эти мои слова...

Виктор Парамонович опустил голову и как-то весь сгорбился, осунулся. И, пожалуй, впервые за последнее время Дмитрий заметил, что отец заметно постарел.

– А всё-таки, друзья, лучшими годами своей жизни я считаю последние восемь-десять лет. Более того, мне думается, что вообще самым лучшим периодом в жизни человека является возраст примерно от тридцати пяти до пятидесяти лет. Именно в эти годы – про себя я называю их не иначе как «золотым возрастом» – человек уже успевает чего-то добиться в жизни, хорошо знает свои потенциальные возможности, расстаётся с манией величия, если был ею заражён в молодые годы, и просто от души наслаждается жизнью, – с пафосом, который трудно было от него ожидать, произнёс Виктор Парамонович.

– Ничего, конечно, не могу пока сказать определённого насчёт «золотого возраста», ведь я его ещё не скоро достигну, – подхватил тираду отца Дмитрий, но самым сложным и захватывающим периодом для себя я считаю последнюю пару-тройку лет...

– Я согласна с тобой, Дима. Именно твои теперешние годы были и для меня периодом становления.

– Конечно же, каждый из нас по-своему прав, друзья... Однако с минуты на минуту придёт автобус с детьми, а мы ещё не решили, где будет жить Светик, – задумчиво произнёс Виктор Парамонович и посмотрел на часы. – Пора идти встречать!

– Мне кажется, Светочка нисколько не удивится, а даже обрадуется, если некоторое время поживёт у меня, – сказала Людмила Леонидовна. – Ведь вы помните, что Рита частенько просила меня забирать Свету из садика. А как только она привыкнет ко мне, мы переедем к вам...

– Да, пожалуй, так будет лучше, – тихо ответил Виктор Парамонович и вопросительно посмотрел на сына.

– Огромное спасибо вам, Людмила Леонидовна! За всё... – растроганно вымолвил Дмитрий, не замечая, что в его глазах стоят слёзы. Но это были слёзы радости...

39. Получил диплом!

Вот уже более месяца прошло с тех пор, как Дмитрий Уланов получил диплом, а жгучее чувство неудовлетворённости от «трояка», полученного на защите, всё не проходило. «Так усиленно готовился, можно сказать, из кожи лез, получил блестящий отзыв рецензента на диплом и на вопросы отвечал на защите уверенно, но одна грубейшая ошибка в терминологии – и всё насмарку! И ведь сразу же понял, что сморозил глупость, но слово, как говорится, не воробей... Да к тому же и вопрос-то этот задал председатель комиссии. Вот что особенно обидно! Но ничего теперь не поделаешь... Ведь заново защищаться не разрешат. Да и надоела изрядно вся эта канитель с учёбой! Главное, что корочки в кармане и все мучения позади. Теперь можно и немного отдохнуть», – размышлял Дмитрий, сидя за кульманом.

Вчера Юрий Петрович вызвал его к себе в кабинет и начал без обиняков:

– Ну что ж, Дмитрий Викторович, как говорят спортсмены, разминка окончена. Теперь ты дипломированный инженер, и спрос с тебя теперь повышенный. Прикрепляю к тебе двух техников. Сам будешь разрабатывать изделия, а они – детализовать. Если увижу, что сам занимаешься за них детализацией – пеняй на себя. Шкуру спущу! Помогать, конечно, им надо. И воспитывать ты их обязан, но чертить они

должны самостоятельно, причём с самого начала. Ни одной линии на их ватмане не проводи, а то окажешь им медвежью услугу. Ты меня понял?

– Да, понял, Юрий Петрович. Можно идти?

– Иди-иди, дорогой. Желаю успеха!

Вернувшись на своё место, Дмитрий Викторович сразу же увидел, что его ожидают юноша и девушка.

– Присаживайтесь, молодые люди. И давайте знакомиться. Меня зовут Уланов Дмитрий Викторович.

– Оля Лубкова.

– Олег Гриднев.

– Поближе познакомимся, я думаю, завтра. А сегодня я ознакомлю вас с нашими задачами на ближайшее время...

По пути домой Дмитрий Викторович то и дело мысленно возвращался к новичкам. Оля уже окончила техникум и потому имеет некоторые чертёжные навыки. А вот с Олегом дела посложнее – ему придётся всё начинать почти что с нуля. Ведь в школе черчению почти совсем не обучают.

С первого взгляда девушка не произвела на него особого впечатления. У неё были длинные тёмно-русые волосы, серые, несколько раскосые, как у казашки, глаза; очень большой рот с тонкими бледно-розовыми губами; очень слабо развитая, прямо-таки полудетская грудь и худые руки, с чуть заметными прожилками на прозрачной смуглой коже... Однако больше всего угнетало – если не сказать, что действовало отталкивающе, – небольшое родимое пятно на левой ще-

ке, тогда как ему всегда нравилось, когда кожа у кого бы то ни было – в особенности у девушек – абсолютно чистая, без единого пятнышка. Он и сам до сих пор старается по возможности не снимать майку на пляже, хорошо помня, что на спине у него имеется большое родимое пятно. И сколько бы он ни ругал себя в душе за такую чрезмерную чувствительность к подобным мелочам – ничего не мог с собой поделать...

Но через какое-то время Дмитрий Викторович с удовлетворением отметил, что Оля, в отличие от Олега, очень внимательно слушает его объяснения и задаёт всегда дельные вопросы, если ей что-то не понятно. Парень же то и дело со скучающим видом посматривал на часы и оживал лишь тогда, когда наставник откладывал в сторону карандаш со словами: «На сегодня хватит, друзья мои. Теперь можно и по домам!»

А оставшись один на один с кульманом, он каждый раз очень остро чувствовал, что ему не хватает сейчас творческого вдохновения и уверенности в себе. Он хорошо понимал, что ему самому до сих пор необходима помощь Копылова, к которой он уже успел привыкнуть. И всегда принимал её как должное. Дмитрий Викторович несколько не сомневался в том, что начальник отдела всегда ставит свою утверждающую подпись в графе «ведущий конструктор» автоматически, совершенно не проверяя чертежей. И теперь Юрий Петрович будет полагаться на его опыт так же, как

раньше полагался на опыт Копылова. Однако сам-то он отнюдь не был уверен, что в его чертежах нет ошибок. И потому решил показать вечером общий вид и основные узлы только что разработанной установки Людмиле Леонидовне или отцу.

Она ушла на днях в декретный отпуск, а Юрий Копылов перешёл работать в другой отдел. Так что должность начальника конструкторской бригады на сегодняшний день оставалась вакантной.

40. Рано быть начальником...

Как и ожидал Дмитрий, Людмила Леонидовна и в общем виде, и в пояснительной записке с расчётами обнаружила несколько серьёзных ошибок. «Как хорошо, что я показал чертежи и записку сначала ей, – подумал он, – а не отцу». И запрятал их в передней, чтобы они не попались ему на глаза, когда он придёт с работы.

– Мне кажется, – взволнованно говорила Людмила Леонидовна, – что главный твой недостаток в отсутствии уверенности при разработке, а она приходит с годами. И тебе необходимо как можно скорее восполнить все пробелы в знаниях. Но я успела заметить, Дима, что ты подходишь к разработке новаторски. Не могу пока сказать наверняка, но не исключено, что ты склонен к научной работе. Поработай ещё годик за доской, а затем и в аспирантуру. Это было мечтой всей моей жизни. Да и отец твой всегда к этому стремился... Однако ни у меня, ни тем более у него не было возможности поступить в очную аспирантуру, а заочная мало что даёт. У Виктора Парамоновича огромная административная текучка, а у меня – малыш... Так что нам, видимо, уже поздно думать о защите диссертации. Вот тебе, Дима, дерзай сейчас – самое время. Будешь в нашей семье первым кандидатом наук!

– По правде говоря, я ещё не думал всерьёз о науке. Мне

кажется, что я для этого ещё не созрел...

– Так всегда бывает: сначала кажется, что рано, а потом становится уже слишком поздно. Тебе ведь уже около тридцати. Это отнюдь не юношеский возраст. К примеру, в Китае ещё в начале XIX века средняя продолжительность жизни была тридцать пять лет, а в некоторых африканских странах и того меньше. У нас же в СССР ты имеешь право до этого возраста поступать в очную аспирантуру, не говоря уже о заочной... Решайся быстрее, но помни, что это не такое простое дело, как может показаться на первый взгляд. Не думай, что захотел и сразу же поступишь. Несколько попыток могут быть и неудачными. А когда поступишь, то будет ещё труднее – выбор темы, проведение теоретических и экспериментальных исследований по своей методике, увязка теории и эксперимента...

– Но согласитесь, Людмила Леонидовна, что сейчас мне нужно, прежде всего, зарекомендовать себя в отделе хорошим инженером, а уж затем – всё остальное. Ведь не бегать же мне каждый раз к вам на консультацию. А вдруг об этом кто-нибудь узнает? Засмеют!

– Ну вот и сосредоточься полностью на работе конструктора. Однако не затягивай и с аспирантурой...

Вошёл Виктор Парамонович, и разговор оборвался.

– Дима! Сегодня со мной разговаривал Юрий Петрович. Он хочет предложить тебе быть начбригом. И я категорически возражал. Как ты считаешь, прав я или нет?

– Конечно же, прав, папа! Какой из меня сейчас начальник бригады? Нет ни достаточных знаний, ни опыта...

– В передней я наткнулся на твои чертежи и расчёты с Люсиными пометками. Их нельзя запускать в производство – они ещё очень сырые и с грубыми ошибками. Это свидетельство того, что ты ещё пока не стал настоящим разработчиком.

– А тебя, Люсенька, – он повернулся к жене, – я прошу не помогать больше Дмитрию. Пусть сам до всего доходит и каждую минуту чувствует на себе груз ответственности. Всю жизнь с няньками не проживёт!

Дмитрий вспыхнул, но сразу же сник, так как ему нечего было возразить отцу.

– А на должность начальника бригады я рекомендовал Копылова. Думаю, что уговорю его вернуться в ваш отдел. Конечно, Симагин и Копылов будут жить как кошка с собакой, но всё-таки сработаются – дело и план заставят. Ведь они должны хорошо понимать, что производство прежде всего. А взаимоотношения – это, в конце концов, не более чем лирика. Да и тот и другой не девицы красные. Как-нибудь разберутся!

41. Два техника

С возвращением в отдел Юрия Степановича всё вошло для Дмитрия в привычное русло. Было теперь и кому проверять его чертежи, и кому консультировать.

Оля и Олег сразу же заметили, что их наставник вздохнул с облегчением и с ними держится теперь не так скованно, как прежде. Правда, реагировали они на это по-разному. Оля всегда очень болезненно воспринимала любой, даже ничтожный, просчёт Дмитрия Викторовича, а Олег, наоборот, никогда даже не пытался скрыть своего злорадства и не упускал возможности поехидничать за его спиной. При этом, как правило, своё недовольство изливал Оле, так как отлично понимал, что она его не выдаст.

Она долго терпела всё это, но однажды не выдержала и взорвалась:

– Ты ещё сам ничему не научился, а других критиковать горазд. Изделие разработать – это тебе не картошку в мундире печь. Посмотрим, чего ты добьёшься в его годы!

– Кончай зудеть, Олька! И без тебя тошно. Надоело мне всё это! – розовое, упитанное, но вместе с тем какое-то рыхлое и апоплексическое лицо Олега исказилось неповторимой отвратительной гримасой.

Оле казалось в эту минуту, что будь она парнем, не задумываясь, плюнула бы в это лунообразное лицо или свали-

ла бы его ударом кулака. Но она была всего лишь худенькой и слабой девушкой, которая отлично понимала, что защитить своего наставника может только словом.

– А почему ты только при мне поливаешь нашего ведущего? При свидетелях ничего не говоришь? Наверное, подзатыльника боишься?

– Зачем я ещё где-то буду об этом говорить? Все и так понимают, что денежки он получает немалые. Стало быть, и отдача должна быть соответствующей. Это с меня особого спроса быть не может. Я за восемь червонцев ломаться не собираюсь!

– Но ведь ты неуч и бездельник, каких свет не видывал! За что же тебе платить больше?

– Не учи меня жить, козявка! Лижи-ка лучше своего твердолобого...

И вдруг он осёкся, увидев, что рядом стоит Дмитрий Викторович. «Неужто всё слышал? – пронеслось у него в голове. – Значит, вытащит куда-нибудь и бить будет!»

Однако, внимательно посмотрев на ведущего, он немного успокоился, потому что лицо его было совершенно невозмутимым. «Слава Богу, пронесло, – с удовлетворением подумал он. – Всё-таки наперёд надо быть поосмотрительнее».

– О чём спорим, молодёжь? – спросил Дмитрий Викторович, сохраняя всё ту же маску бесстрастия на лице.

– Да так, небольшая размолвка. Не стоит внимания, – ответила Оля и повернулась к Олегу. – Ну, тебе теперь всё яс-

но?

– Пожалуй, – вяло промямлил он и вышел.

А Дмитрий смотрел сейчас на возбуждённое лицо и хрупкую, угловатую фигурку девушки и задавал себе вопрос: «Смог бы я когда-нибудь полюбить её? Судя по тому, как она меня сейчас защищала перед этим оболтусом, Оля имеет сильный, волевой характер. И была бы мне надёжной и верной подругой. Но как к женщине я, кажется, к ней никаких эмоций не испытываю. Уж совсем не в её пользу будет сравнение этого слабенького тельца с пышными, переполненными жизненными силами формами Маргариты Евгеньевны... А вдруг Оля после родов пополнеет? Я слышал, что для многих женщин это в порядке вещей... И опять же это родимое пятно. Неужто она не догадывается, что можно пойти в салон красоты, и там ей как-то завуалируют его...»

– Дмитрий Викторович, вы не могли бы посмотреть вот этот узел? Что-то он у меня никак не получается! – вернула Оля его к действительности.

«Чёрт знает, что иногда в голову лезет», – попытался как-то встряхнуться Дмитрий и подошёл к её кульману.

– Давайте-ка, Олечка, отложим это на завтра. Видите, все уже ушли. Нам теперь придётся закрывать помещение...

– Хорошо, Дмитрий Викторович, – ответила девушка и взяла с подоконника коробочку с ключами. – Я закрою...

42. Первое настоящее чувство

Оля и Дмитрий Викторович вместе вышли через заводскую проходную на улицу.

– Оля, можно вас проводить? – голос Дмитрия предательски дрожал, и горло перехватило от внезапного волнения.

– Да, спасибо. Проводите, пожалуйста. Я как раз очень хотела с вами поговорить. Мне нужен ваш совет.

Некоторое время они шли молча. Оля не знала, как начать разговор. С некоторых пор она всё чаще думала о выборе профессии; вернее, о своей специализации. Сначала она считала, что во что бы то ни стало должна стать разработчиком. Но ведь они очень разнятся. Взять, к примеру, Юрия Степановича. Он разрабатывает электросхемы. «У меня к этому, безусловно, склонности нет. Правда, я могла бы с некоторым трудом разобраться в схеме работы лифта или в пусковом устройстве турбогенератора... Но о том, чтобы самой разработать какую-то электросхему, не может быть и речи. А если подойти к чертежу Людмилы Леонидовны, то можно с ума сойти от такого количества видов, разрезов... Опять же надо очень хорошо разбираться в допусках и посадках! А какое у меня должно быть пространственное воображение, чтобы представить всю конструкцию сначала в голове, а затем перенести этот замысел на бумагу? Да и потом эта схема или чертёж пойдут в цех: сначала к технологам, потом на сборку.

А вдруг в них найдут мою ошибку?

Нет, это мне точно не по силам! Что же мне остаётся? Пожалуй, у меня два пути: экспериментальная отработка изделий, то есть их испытание или разработка на них технической документации, стандартов, нормалей... Вот и получается, что я должна идти в отдел стандартизации. Благо, что там сейчас идёт укомплектовка кадрами. Ведь отдел совсем недавно выделился из службы главного технолога...

После окончания вуза буду разрабатывать стандарты или проводить нормативный контроль чертежей. Правда, злые языки поговаривают, что стандартизатор – это несостоявшийся конструктор. Но постараюсь быть выше этих разговорчиков и своим трудом доказать, что стандартизаторы не только числятся инженерами-конструкторами, но и приносят огромную пользу производству. А так как я буду вкладывать в это дело свою душу, то результат не замедлит сказаться. Кроме того, и это главное, я буду уверена, что выполняю важную и творческую работу...

Интересно, одобрит ли мой выбор Дмитрий Викторович?»

Оля чувствовала, что молчание затянулось, но она видела, что ему хорошо идти молча с ней рядом. Может быть, потому что не так уж часто он провожал девушек. А может, просто не знает, о чём с ней можно сейчас говорить?

43. Неожиданное признание

Наконец Оля решилась нарушить затянувшееся молчание:

– Дмитрий Викторович, я давно уже жду случая поговорить с вами наедине. Дело в том, что скоро исполнится пять лет, как мы вместе с Виктором Парамоновичем занимаемся в литкружке. Правда, меня больше интересовала поэзия, а вашего отца – проза. Очень жаль, что он перестал ходить на занятия. Наш руководитель, Алексей Акимович, возлагал на него большие надежды... Теперь о главном. С некоторых пор Юрий Петрович попросил меня следить за успехами и неудачами Виктора Парамоновича на литературном поприще и регулярно докладывать ему об этом. Он всегда опасался, что ваш отец может и защитить диссертацию, и добиться успехов в литературе... И потому делал всё, чтобы завуалировано помешать ему и в том, и в другом. Он также до самого последнего момента возражал и против назначения Виктора Парамоновича главным инженером. Но, к счастью, руководство завода и партком к его мнению не прислушались... Я решилась рассказать вам об этом потому, что перехожу в другой отдел. Буду заниматься разработкой стандартов – это мне ближе, чем работа с чертёжной доской. Да и Копылов не случайно уходил из нашего отдела – не сработался с шефом. И сейчас Юрий Петрович продолжа-

ет на него коситься, хорошо понимая, что как только ему исполнится шестьдесят, Юрия Степановича вполне могут поставить на его место... Я всё говорю, говорю и даже совсем не поинтересовалась, хотите ли вы это слушать. Может быть, вам это и не интересно?

– Ну, что вы, Оленька! Вы прямо-таки потрясли меня своим рассказом. Теперь я должен как-то переосмыслить всё это...

– А можно задать вам вопрос, вернее, два вопроса?

– Конечно! Но почему вы спрашиваете?

– Я решила задать их, Дмитрий Викторович, только потому, что мы теперь будем работать в разных отделах и видеться будем гораздо реже. Итак, первый – слышали ли вы наш спор с Олегом? И второй – могла бы я вам когда-нибудь понравиться, если бы была более привлекательной?

После этих слов Дмитрий вздрогнул, остановился и, взяв девушку за руки, повернул к себе.

– На первый вопрос я отвечать не буду. Ведь слышал я ваш разговор или нет, мне кажется, никакого значения не имеет. Не стану же я сводить счёты с этим сопляком! А на второй вопрос отвечу с искренним удовольствием... Мне с вами, Оленька, всегда было хорошо, а сейчас – особенно. И я благодарю судьбу за то, что вы стоите сейчас передо мной, причём такая, какая есть! И другой мне не надо...

Они стояли друг против друга, взявшись за руки. И всё время, пока Дмитрий говорил, Оля не поднимала головы.

Но после этих слов она вскинула на него счастливые, полные беспредельной нежности глаза и тихо сказала:

– Мне кажется, что всё это – сон...

44. Юбилей

Своё пятидесятилетие Виктор Парамонович намечал отметить скромно, в семейном кругу. Но из этого ничего не получилось. На заводе в день юбилея ему устроили такое торжественное и вместе с тем трогательное чествование, что у него пересохло в горле от волнения, и он не мог ничего сказать в ответ, пока не отпил немного воды.

Это было перед обедом. А около двух часов он позвонил домой и сказал, что вечер переносится в ресторан «Нева» у Северного речного вокзала. Стол заказан на пятьдесят персон, в связи с чем просил срочно подготовить приглашительные билеты.

Кроме того, просил помочь ему обзвонить всех, кто будет приглашён на субботний юбилей.

Итак, львиная доля забот по подготовке банкета легла на жену и сына. А ведь у них именно в эти дни было много и других забот. Людмила Леонидовна не могла отойти от новорождённой Верочки и пятилетней Светы, а Дмитрию предстояло послезавтра сдавать последний экзамен в аспирантуру. И через какие-то две недели у него свадьба...

Они с Олей долго обсуждали, где будут жить. Оба твёрдо стояли на своём. При этом каждый считал, что лучшие условия, конечно же, у него. В результате решили бросить жребий. Случай был на стороне Оли. Так что Дмитрию предсто-

яло вскоре перебираться в её квартиру.

Когда вечером Виктор Парамонович пришёл домой, то увидел, что большой обеденный стол весь устлан приглашенными билетами, а жена и сын скрупулёзно вписывают в них фамилии приглашённых и ставят очередную галочку в списке.

– Да, задал я вам работку, друзья мои! Бог свидетель – не хотел я никакого банкета, но так и не удалось отвертеться. Сам начальник главка обещал быть...

– Вот завалю кандидатский экзамен по специальности! Ты, отец, будешь виноват, – с улыбкой откликнулся Дмитрий.

– Не прибедняйся, пожалуйста, Димок. Ты успеешь хорошо подготовиться, – вступилась Людмила Леонидовна. А если и завалишь – не заплачем. Злее будешь – быстрее защитишься! Эту осечку мы тебе простим и с лихвой компенсируем твоей свадьбой. На ней ты быстро обо всех своих неудачах забудешь!

Все громко и весело рассмеялись.

45. Собеседование

На своей свадьбе Дмитрий познакомился с двоюродным братом Оли – Романом Захаровичем Шатковым.

Это был худощавый черноволосый мужчина лет сорока. Говорили, он пишет диссертацию по автоматизации тепличного производства и имеет несколько десятков изобретений по этой тематике. Кроме того, он так же, как и Оля, увлекается поэзией и посещает вместе с ней литературный кружок.

Одно время Роман совсем было собрался переходить из НИИ на завод, в отдел Юрия Петровича, но собеседование с будущим начальником оставило у него в душе горький осадок. Романа прямо-таки шокировало тогда поведение Симагина. Он, кипя от негодования, всё пытал сестру – как же могло получиться, что такой бездарь уже много лет возглавляет большой коллектив. Оля отмахнулась тогда от него дежурной фразой, что, мол, пути Господни неисповедимы. И больше он от неё ничего не добился...

И лишь спустя полгода Роман случайно узнал, что Симагин, оказывается, очень гордится своей «новой системой» подбора кадров. И более того, предрекает ей большое будущее. Суть этой системы весьма проста. Не забывая ни на минуту, что кадры куют успех, Юрий Петрович скрупулёзно отработывал процедуру собеседования с новичками. А с некоторых пор она даже приобрела форму тестов. При этом во-

просы задавались самые различные. Однако где-то в середине беседы обязательно задавался, казалось бы, самый естественный и невинный вопрос: «А как вы проводите своё свободное время?» Если испытуемый говорил, что он много читает; что-то коллекционирует, например, этикетки спичечных коробок или составляет гербарии засушенных бабочек и тому подобное, то он, как правило, не принимался на работу. И наоборот, если претендент, к примеру, водит машину и умеет её ремонтировать; оформляет заявки на изобретения, имеет связи в сфере торговли, то при условии наличия других необходимых (в том числе, конечно, и деловых качеств) обязательно принимался на работу в отдел.

«Мы живём в такую эпоху, – любил повторять Юрий Петрович, – когда и хобби сотрудника должно приносить начальнику какую-то выгоду. Я уже не говорю о необходимости максимальной отдачи на работе – это само собой разумеется. Если бы у нас была такая же интенсификация труда, как, например, в Японии, то мы бы с вами как сыр в масле катались. При этом нужно правильно загружать людей. Один может тянуть за двоих-троих, а другой – хоть и из кожи вылезет – но не выдаёт и половины нормы. Третий всё время сидит на больничном, четвёртый просто сидит в отделе для моих спецзаданий. Ибо в технике он ноль... Но если сотрудник не может как следует проявить себя на работе – серого вещества в мозгу не хватает, – то пусть хотя бы компенсирует этот свой недостаток каким-то полезным (для меня лич-

но, конечно) хобби и на работе, и после работы. Главное же в том, чтобы каждый работник понимал, что он должен приносить какую-то пользу и обществу, и начальнику. Вот тогда у нас в отделе будет полная гармония...»

Таковыми или примерно такими мыслями и высказываниями постоянно тренировал свой мозг Юрий Петрович Симанин. И при этом всемерно и весьма энергично проводил их в жизнь.

Дмитрию удалось уединиться и поговорить с Шатковым только тогда, когда гости уже начали расходиться. Роман Захарович обещал помочь своему новому знакомому в работе над диссертацией.

«Ведь как-никак уже около десятка лет корплю над своей сельскохозяйственной темой. Опыта сам поднабрался и смогу теперь предостеречь тебя от моих ошибок», – сказал он Дмитрию на прощание.

46. У машинистки дома

Роман вышел из дома и осмотрелся. По телефону ему подробно объяснили, как добраться до места. И вот сейчас он ищет глазами третью башню от дороги. Наконец он сориентировался и быстрым солдатским шагом направился к нужному дому. В последний раз вынул из кармана записку с адресом и внимательно прочёл её несколько раз, запоминая номер дома, корпуса и квартиры.

Выйдя из лифта, он сразу же увидел квартиру №54. С этой квартирой у него возникло сразу несколько ассоциаций. Первая – много лет он жил в доме с этим номером на старой квартире; вторая – почти два десятка лет проработал в отделе 54; третья – именно столько изобретений у него было на сегодняшний день.

Роман не сразу нажал кнопку звонка. Он стоял перед дверью и пытался предугадать, как выглядит женщина, согласившаяся печатать его диссертацию. «Хорошо бы, если она оказалась блондинкой с голубыми или ещё лучше – с зелёными глазами (люблю всё необычное). И была бы не старше тридцати – тридцати пяти лет, то есть несколько моложе меня. Если верить телефону, то голос у неё молодой и задорный. Однако вместе с тем и грудной, как у какой-то знаменитой певицы, фамилию которой он сейчас никак не мог вспомнить. Но главное – чтобы она не была высокой и сухо-

парой. Короче, чтобы не была похожа на тех долговязых девиц с мальчишеской фигурой, которые вроде бы считаются теперь модными, но на него всегда действовали отталкивающе. Желательно было бы также, чтобы она не содрала с меня слишком много. Правда, мой протеже говорил, что лишнего его знакомая не берёт. Весь вопрос в том, что под этим понимать... Ну да ладно, что будет, то будет», – подвёл он итог своим размышлениям и нажал кнопку звонка.

За дверью сразу же послышался собачий лай и торопливые шаги. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы белый пудель мог прошмыгнуть в образовавшуюся щель. Он моментально завертелся у ног незнакомца.

– Эдиль, ко мне! – приказала хозяйка, открывая дверь настежь. – Проходите, пожалуйста, – обратилась она уже к гостю.

Роман поздоровался и вслед за хозяйкой пошёл по длинному полутёмному коридору.

«Кажется, мои надежды не оправдались, – делал он на ходу первые выводы. – Волосы и глаза неопределённого цвета, рост выше среднего, предельно худая, на вид можно дать лет сорок с хвостиком...»

– Давайте-ка я вам помогу, – сказала женщина своим грудным голосом, принимая из его рук пальто. – Обувь можно не снимать, – продолжала она, видя, что гость начинает развязывать шнурки ботинок.

– Благодарю вас, – ответил Роман и вслед за ней прошёл

в небольшую светлую комнату. В углу мерцал экран цветного телевизора. Посередине комнаты стоял журнальный столик в окружении трёх массивных кресел.

– Садитесь, пожалуйста! – показала хозяйка на одно из них.

Роман удобно расположился в кресле, положил на колени портфель и вынул из него зелёную папку. Собачонка сразу же запрыгала перед ним, пытаясь ухватить зубами тесёмки папки.

– Какая нетерпеливая, – улыбнулся он. – Прямо прелесть!
– Эдиль, на место! – приказала хозяйка, и собачонка прыгнула на тахту, положив голову ей на колени.

Роман смотрел сейчас на эту преждевременно увядшую, уставшую от жизни женщину и вдруг загадал: «Если она начнёт зондировать моё семейное положение, значит, с защитой всё будет о'кей...»

И действительно, он услышал первый её вопрос:

– У вас, наверное, большая семья? Трудно совмещать домашние заботы с работой над диссертацией?

Роман невольно улыбнулся и вдруг совершенно неожиданно для себя соврал:

– Нет, я один как перст...

И в тот же миг он уловил в её глазах – впервые за весь разговор – проблески какого-то к нему интереса...

47. Семейные будни

Домой Роман вернулся к обеду.

Жена открыла ему дверь и сразу же пошла на кухню, из которой послышался вопрос сына:

– Папа, ты купил мне тетрадь?

– Общих тетрадей в магазине не было, – соврал Роман, только сейчас вспомнив о заказе Лёни. – Если хочешь, я отдам тебе свою амбарную книгу. Она тебе как раз под песенник подойдёт. Вот только вырву из неё несколько листов...

– Нет, мне нужна новая тетрадь, – обиделся сын. – Так и знал, что не купишь!

– Где же ты пропадал столько времени? – вступила наконец в разговор жена. – Мы же намечали до обеда сходить в универсам.

– Очень далеко, оказалось, живёт машинистка. И потом в нескольких местах ей было не совсем понятно, как печатать. Пришлось объяснять...

– Сколько же она возьмёт за печать?

– Такса – сорок копеек за лист. Стало быть, рублей пятьдесят.

– Ты что, с ума сошёл? – взвилась жена. – Ведь это же грабёж! А вдруг ты не защитишься? Тогда, значит, денежки тютю? Ребёнок без пальто ходит, а ты деньгами швыряешься!

– Потерпи ещё немного, Катюша. Вот увидишь, будет

у меня после защиты диссертации «китайский скачок» в зарплате!

– Десять лет терплю. То нужны были деньги на эксперимент, затем на плакаты, а теперь на печать... Будет когда-нибудь этому конец или нет?

– Нет, не будет! – ответил за него Лёня. – Потому что он бестолковый! – Исын торжествующе посмотрел на мать в ожидании одобрения.

Роман удивлённо посмотрел на сына и молча задался горьким вопросом: «И откуда только ты такой взялся? Как же ты успел к своим двенадцати годам накопить столько желчи?»

Затем он медленно сложил пальцы правой руки для щелчка и уже занёс было её над головой сына, предвкушая, как тот подскочит сейчас на стуле, а жена завопит: «Живодёр! Убийца!..»

Но рука его вдруг безвольно упала. Роман лишь заскрежетал зубами и пулей вылетел из кухни.

48. Мысленные эксперименты

На дворе сгущались сумерки, на дорогах гололёд. Настроение у Романа прескверное, если не сказать мерзопакостное... И каждый раз в таких случаях он усиленно искал острых ощущений. Не раз и не два стоял он у края платформы и представлял, что стоит только податься вперёд и... поезд снесёт его, как картонного паяца. Или вдруг оказывался мысленно в оконном проёме, на седьмом этаже и быстро протирал влажной тряпкой окно. Достаточно отпустить руку и... сразу же придётся изучать на практике закон свободного падения тела. А иногда пытался представить себя слепым, глухим или безруким... И каждый раз эти мысленные эксперименты помогали. Правда, однажды он так вошёл в роль, стоя перед быстро приближающейся электричкой, что даже довольно громко застонал, чем привёл в сильное недоумение стоявшую рядом пожилую даму в очках и какую-то смазливую девицу.

Но зато после каждого такого микростресса он как бы получал допинг и ощущал при этом заметный прилив сил. Накопившаяся за несколько дней апатия трудовых будней отодвигалась на задний план, и Роман чувствовал себя снова молодым, бодрым и энергичным. Он жадно ловил эти моменты встряски, чтобы с удвоенным рвением «наброситься» на диссертацию, на изобретательство или на стихи...

49. Нелепая смерть

Сегодня Роман решил повторить свои мысленные опыты, чтобы снять неприятный осадок от перепалки с женой и сыном. Он начал озираться по сторонам и пытался побыстрее что-то придумать.

«Вон едет грузовик с прицепом. Пропущу машину, а изпод прицепа в последний момент выдерну ногу», – решил он.

Грузовая машина быстро приближалась. Её прицеп сильно подпрыгивал и вилял на ухабах...

«Пора!» – скомандовал себе Роман и сделал шаг вперёд.

Машина и прицеп поочерёдно подскочили на колдобине, и Роман сразу же почувствовал очень сильный толчок в голову.

«Бортом прицепа...» – промелькнуло в его сознании.

Роман упал и в каком-то пурпурно-оранжевом свете увидел лишь две картины: первая – его жена кормит грудью крохотного Лёню; вторая – его рука взметнулась вверх, чтобы отвесить сыну щелбан...

Затем сознание стало быстро угасать, а ещё через минуту Романа поглотила вечная ледяная мгла...

50. Ужасное известие

Светлана Васильевна вынула из машинки последний лист диссертации и задумалась... Ей впервые довелось печатать работу по сельскому хозяйству. И вот сейчас, как ей казалось, она прозрела, начиная отчётливо понимать, что допустила ошибку, когда бросила на четвёртом курсе институт.

Конечно, ей было бы трудно, а может быть, и невозможно добиться каких-то серьёзных результатов в области физики. Но ведь можно было перейти, хотя бы и с потерей курса, в какой-нибудь другой вуз. Ведь на МИФИ свет клином не сошёлся. Например, в ТСХА или в медицинский... И тогда была бы она на своём месте. А после окончания института пошла бы в аспирантуру и, возможно, печатала бы не чужую (как сейчас), а свою диссертацию. Однако это всё мечты, прожекты, а действительность такова – в сорок лет она всего лишь старший лаборант, и никакой перспективы роста...

«Да, и мужчины воспринимают меня частенько только как живой придаток к пишущей машинке. И не более того...»

Зазвонил телефон. Она медленно сняла трубку:

– Алло! Вас слушают.

На другом конце провода раздавались какие-то нечленораздельные булькающие звуки. Постепенно они становятся всё более отчётливыми и, наконец, Светлана Васильевна начала различать сначала всхлипывания, а затем безудержные

рыдания.

– Кто это? Что случилось? – испуганно спросила она.

– Это говорит жена Романа Захаровича (рыдания) ... Он скончался, – опять рыдания. – Деньги за печать вам вышлю почтой (рыдания)...

– Но позвольте... – успела крикнуть в трубку Светлана Васильевна. И услышала в ответ лишь щелчок, а затем короткие гудки...

«Положили трубку, – догадалась она и отрёшённо посмотрела на пять ровных стопок бумаги возле пишущей машинки. – Что же мне теперь делать? – напряжённо думала она. – Кому передать диссертацию? И вообще, как поступают в подобных случаях?»

Она ещё долго совершенно машинально держала в руке телефонную трубку и слушала грустную трель бесконечных гудков, пока рука её, ослабев, не упала на рычаг телефона...

51. Пожалела себя

Екатерина Михайловна проводила сына в школу и тяжело опустилась на стул.

Она задумалась, и по её лицу потекли капельки слёз. Однако сейчас она не могла уже с полной уверенностью сказать, кого же ей было больше жаль – себя или покойного мужа. Ещё совсем недавно она привычно для себя считала, что виноват во всём, конечно же, Роман. Ведь он неудачник! И этим всё сказано: не смог вовремя получить учёную степень, сделать успешную карьеру, не обеспечил материально свою семью... Но теперь Романа больше нет, и потому остаётся рассчитывать только на свои силы. И Екатерина Михайловна стала лениво перебирать в памяти своих знакомых. Кто же будет её теперь опекать? Кому она может быть нужна в свои тридцать шесть лет да ещё с ребёнком? И возможно ли для неё начать всё с самого начала или уже слишком поздно?

Она начала медленно загибать пальцы, проигрывая мысленно все возможные варианты. Сейчас она мучительно вспоминала, кто проявлял к ней хоть какой-то интерес в её молодые годы... И в этот момент её ничуть не беспокоило, что этим она в какой-то мере оскверняет светлую память своего мужа. Чувство безысходной горечи и жалости к себе полностью подавило все другие чувства в её смятенной душе.

52. Не до ребёнка...

Дмитрий Викторович с тоской посмотрел в окно. Добрую треть всего вида из окна занимала огромная, покрытая гудроном крыша пристройки к дому. По неровной поверхности крыши забарабанил дождь. То тут, то там на ней стали образовываться лужицы, безжалостно обнаруживая строительные дефекты. Наконец от лужиц побольше обозначились ручейки, ведущие к стокам.

«Это наверняка на целый день, – подумал он, глядя на обложенное тучами небо. – Сегодня воскресенье – можно позаниматься как следует. Только бы никто не помешал. Завтра на работу, а потом – через несколько дней – доклад на кафедре».

Вот уже третий год Дмитрий Викторович готовит диссертацию по автоматизации технологических процессов в теплицах. Так получилось, что тема его диссертации не совпадает с профилем работы. Да к тому же он уже который год избирается секретарём партбюро. Так что на заводе выкроить время для занятий над диссертацией он никак не может. И потому вся надежда на работу в домашних условиях.

Каждый день он встаёт в пять утра. Затем зарядка с гантелями, завтрак и работа над диссертацией до семи утра. После работы на заводе ещё часа два-три он посвящает науке. Итого часа четыре в будни плюс большую часть дня в суббо-

ту, воскресенье и праздники...

А ведь как хочется иной раз сходить в кино или театр, почитать или просто понежиться в постели. В таких случаях ему приходится мобилизовать всю свою волю на то, чтобы снова и снова садиться за письменный стол, внушая самому себе: «Надо выдержать. Обязательно довести начатое дело до конца. Иначе я просто перестану себя уважать!»

Позавчера научный руководитель снова напомнил ему, что для успешного завершения диссертации ему необходимо работать над ней по двенадцать-тринадцать часов в день. Но где взять резерв времени, как растянуть сутки?..

– Папа! Мама сказала, чтобы ты шёл со мной гулять, когда кончится дождик, – кричит четырёхлетняя дочка Леночка, с шумом распахивая дверь.

– Скажи ей, что я не могу! У меня послезавтра доклад. Погуляй сегодня с бабушкой.

– Мне с бабушкой неинтересно. Хочу с тобой, – обижается Леночка.

– Я же сказал, что не могу. Отстань! – отвечает Дмитрий Викторович, выставляя дочку за дверь.

Проходит несколько минут. Слышно, как за дверью дочка, всхлипывая, рассказывает матери о разговоре с отцом.

Наконец дверь в его комнату снова открывается, и появляется жена, ведя Леночку за руку.

– Бросай всё, Дмитрий! Сходи в магазин за хлебом и погуляй с ребёнком.

– Ты же видишь, Оля, что на улице дождь. И потом у меня скоро доклад на кафедре. Ведь ты же знаешь!

– Я хорошо знаю, что отец тоже должен уделять внимание ребёнку. Ну а если после того как сходишь за хлебом, дождь не кончится, то поиграешь с Леночкой дома, – отрезает жена и уходит. За дверью слышны торжествующие возгласы Леночки...

53. На ВДНХ

Примерно через час после перепалки с женой Дмитрий Викторович вышел из подъезда, ведя дочку за руку. Он мысленно составлял для себя план: пока гуляет с Леночкой, решит, какая формула – Байеса или Бернулли – лучше подходит для увязки теоретических и экспериментальных исследований. Только бы дочка подольше помолчала.

– Папа! А куда мы едем?

– На выставку.

– На какую выставку?

– На ВДНХ.

– А что такое ВДНХ?

«Ну, началось, – отмечает про себя отец и с досадой смотрит на часы. – И двух минут не продержалась без вопросов!»

– Давай-ка поиграем в «молчанку», – предлагает он.

– А как это?

– Кто дольше промолчит, тот и выиграл.

– Давай! – радостно отвечает Леночка, не чувствуя никакого подвоха.

Проходит три-четыре минуты. Дмитрий Викторович восстанавливает в памяти формулу Байеса и, разбивая её на части, начинает чувствовать, что это как раз то, что надо...

– Пап, а на выставке коровки есть?

– Есть. Ты проиграла. Ещё будешь играть в «молчанку»?

– Нет! Мне эта игра не нравится.

Отец переводит Леночку через дорогу, и они начинают ждать свой троллейбус.

Один за другим проходят несколько автобусов.

Дмитрий Викторович мысленно возвращается к анализу формулы, радуясь тому, что троллейбуса всё нет, а дочка с интересом следит за пассажирами, входящими и выходящими из автобусов. Наконец из-за поворота появился 36-й троллейбус. Они входят в него.

– Пап, я хочу посмотреть на выставке коровок и лошадок...

– В троллейбусе разговаривать нельзя. Это неприлично. Потерпи, пока мы едем, пожалуйста.

Дмитрий Викторович некоторое время анализирует в уме теперь уже формулу, а точнее уравнение, Бернулли, радуясь своей хитрости.

– Папуля, а скоро мы приедем?

– Через шесть остановок. Считай их.

Проходит ещё несколько минут. Леночка теребит отца за руку:

– Папа! Я сбилась... Давай считать остановки вместе.

– Отстань! Я занят. Разве ты не видишь, что я думаю?

– А о чём ты думаешь?..

Дочка обиженно замолкает.

Но вот троллейбус выходит на круг, разворачивается и останавливается.

– Приехали! Приехали! – радостно восклицает Леночка, пританцовывая на одной ножке.

Дмитрий Викторович посмотрел на часы – приехали как раз к открытию выставки. Он купил билеты, и они направились к Главному выставочному павильону.

– Ленулька! Я выпью кружку пива, а ты поиграй на детской площадке. Вон там... Я скоро вернусь.

Он взглядом проводил дочку, которая сразу же устремилась к двум девочкам её возраста, которые по очереди съезжали с деревянной, отполированной детскими задиками горки, и встал в очередь за пивом.

54. Чрезвычайное происшествие

Дмитрий Викторович взял бутылку пива и два вставленных один в другой картонных стаканчика. Налил пива, поднёс стаканчик к губам и выглянул за угол ларька.

Леночка забиралась по металлической лестнице на деревянную площадку, являющуюся серединой огромного шара, сделанного из полых серебристых трубок. Достигнув площадки, она начала что-то весело рассказывать мальчику, с которым успела познакомиться во время игры. Оба малыша стояли у края площадки, держась руками за барьер.

«Полный порядок, – удовлетворённо подумал отец. – Можно ещё поломать голову над формулами».

Всё отчётливее стали просматриваться преимущества одной из формул над другой. Он выпил остатки пива и неспешно пошёл за дочкой.

Его отделяли от детской площадки метров двадцать, когда Леночка начала подниматься по лесенке на верхнюю половину шара. Мальчик, с которым она играла, продолжал стоять на деревянном перекрытии и, задрав голову вверх, с интересом следил за ней.

Не добежав нескольких метров до шара. Дмитрий Викторович крикнул:

– Лена, слезай сейчас же! Накажу!

Дочка обернулась, продолжая держаться одной рукой

за дугообразный поручень лестницы, но вдруг не удержалась и, развернувшись в воздухе головой вниз, упала на землю.

Отец стремительно, в несколько прыжков, подлетел к дочери; подхватил её на руки и понёсся к выходу ВДНХ. В его разгорячённом мозгу, как в калейдоскопе, мысли сменяли одна другую с невероятной быстротой:

«Неужели всё кончено? Всё рухнуло в какую-то минуту. Ребёнок на всю жизнь останется теперь калекой – будет мучиться головными болями. А может быть, и отстанет в развитии? Как же я раньше не понимал, что надо ценить те дни и годы жизни, когда все здоровы и веселы. Ведь заниматься с ребёнком – это великое счастье! А я отмахивался от дочери, как от назойливой мухи. Зачем теперь мне диссертация, если я не уберёг ребёнка? Что же мне делать? Наверное, надо везти её сразу к врачу? Или лучше домой?»

– Папа, я хочу на ножки. Хочу мороженое, – вдруг сказала Леночка, слегка всхлипывая.

– Конечно, малыш, конечно! Какое же ты хочешь – эскимо или в стаканчике? Сливочное или фруктовое? Я тебе лучше куплю и то и другое!

Дмитрий Викторович не верил своему счастью. Не верил, что всё обошлось. Он смотрел на дочку сияющими глазами, и у него навернулись слёзы...

– Папа, ты почему плачешь? Ты за меня испугался, да?

– Как ты себя чувствуешь, Ленулька? Наверное, головка болит? Почему же ты отпустила руки, когда я тебя окликнул?

– Я не знаю. Просто я сказала мальчишке, что не боюсь забраться на самый верх. Он мне не поверил. Вот я и полезла...

– Ну ладно, ладно... Радость моя, солнышко моё!

Он с беспредельной любовью и нежностью смотрел сейчас на дочку, которая деловито доставала палочкой мороженое из стаканчика и думал, что уж теперь он будет относиться к Леночке совсем иначе, чем прежде. Игры и прогулки с ней будут для него не бременем, а удовольствием.

Тысячу раз он мысленно благодарил жену, которая надела дочке под капюшон вязаную шапочку. Ведь это предотвратило возможную травму. «А я-то, осёл, всегда ругал Олю за то, что она кутает ребёнка!» – вспомнилось ему.

Теперь, ощутив новый прилив сил и энергии, он был твёрдо убеждён, что если и не успеет хорошо подготовиться к докладу на кафедре, то оставшееся до защиты время он всё-таки сумеет спланировать так, чтобы всё успевать делать без ненужных авралов. А главное – для него, начиная с сегодняшнего дня, будет естественной потребностью чаще общаться с ребёнком, отдавая Леночке всё тепло своей души. Да и как может быть иначе, когда у него такая дружная и счастливая семья!

Ольга Дмитриевна встречала их как всегда у подъезда. И когда она спросила, почему они сегодня оба такие необычайно весёлые, отец и дочь улыбнулись друг другу и почти в один голос ответили:

– Просто так!!!

55. Жизненный анализ начальника

Юрий Петрович сидит в своём кабинете и пытается снова и снова переосмыслить намёк директора завода насчёт отдыха.

«Да, этот разговор никак нельзя было истолковать иначе, как проводы на пенсию. Правда, не только меня. Аналогичные собеседования были и с другими начальниками. Ну хотя бы ещё пару-тройку лет дали поработать. А то ведь только обмыли юбилей, и сразу же на ковёр... Неужто за сорок лет работы на заводе я не заслужил большего к себе уважения?»

Перед ним сейчас медленно проходили все картины его жизни. Он мысленно разделил её на десятилетние отрезки и с помощью системы «плюс-минус» пытался определить, удачно ли прожита жизнь...

«До десяти лет – очевидный минус. Отец – пьяница. Мать развелась с ним, когда мне было восемь лет. Учился я тогда неважно. Здоровьем тоже похвалиться особо не мог...

До 20 лет, видимо, плюс. Закончил семь классов, затем техникум и поступил в МЭИ, как и мечтал...

До 30 – очередной плюс. Окончил институт, аспирантуру, подготовил к защите кандидатскую диссертацию. Назначили сначала начальником конструкторской бригады, затем – начальником отдела.

До 40 – затрудняюсь ставить плюс или минус. Жизнь про-

текала с переменным успехом. После отдела главного метролога возглавлял один из самых крупных и важных отделов завода – отдел главного конструктора. Женился по любви, но счастье продолжалось недолго. У нас не было детей, и жена считала меня виновником этого. А потому от меня сбежала. Правда, перед этим мы усыновили трёхлетнего мальчика из детдома...

До 50 лет – явный минус. На работе вроде бы всё хорошо. Однако не выполнил ни одной из своих задач: забросил работу над докторской диссертацией; меня не выдвинули на Государственную премию; приёмный ребёнок оказался умственно отсталым...

И наконец, до шестидесяти лет. На работе до последнего разговора с директором вроде бы всё шло нормально. Безответно влюбился в молодую женщину. Ребёнок – уже инвалид второй группы. Если бы не помощь моей сестры, совсем не знал бы, что с ним делать! Стало быть, по последнему этапу – тоже минус...

Общий вывод: жизнь, можно сказать, прошла мимо, а я есть не кто иной, как просто пожилой неудачник...»

Юрий Петрович подошёл к зеркалу и некоторое время внимательно изучал своё отражение, как будто увидел его впервые. Затем печально покачал головой и горестно вздохнул, после чего махнул рукой и начал закрывать свой кабинет...

56. Похоронили...

Уже начали сгущаться сумерки, когда Виктор Парамонович с сыном уходили с кладбища.

– Да, похоронил я своего бывшего шефа и сам как бы осиротел, – задумчиво произнёс отец. – Ведь Юрий Петрович не только мне, но и тебе, Дима, успел в чём-то помочь. Не правда ли? Неугомонная была натура. И недели не прожил после проводов на пенсию.

– Руководитель он, действительно, был стоящий. Работу между сотрудниками распределял мастерски. Дирижёр, да и только! Но ведь и тебе, папа, и Копылову работать с ним было ой как нелегко?!

– Зато мы прошли его суровую школу и закалились. А будь он помягче, ещё не известно, что бы из нас вышло. Согласен со мной?

– Ну что ж, видимо, ты прав. Как там поёт Булат Окуджава? «Всё правильно, всё справедливо...»

– Мне часто, Дима, вспоминаются слова покойного: «В каждом деле при решении какой-то сложной задачи обязательно должен быть свой сумасшедший, в хорошем смысле этого слова, который не находил бы себе покоя, пока поставленная задача не будет решена. Если у такого фанатика что-то не клеится, то он не спит ночами; злится, когда его отвлекают от работы и готов вспылить по самому ничтожному

поводу. Он предлагает целую кучу, на первый взгляд, бредовых идей – в надежде, что хоть одна из них окажется гениальной. Он рискует и терпит одну неудачу за другой, но это его распаляет ещё больше и призывает к новым действиям. И я считаю, что таких фанатов у меня в отделе как минимум двое: это ты, Виктор, и Копылов... Вы являетесь генераторами идей и сами же их реализуете, причём не раскисаете в случае неудачи. Другими словами, я – ваш дирижёр, а вы мои главные музыканты-исполнители. Остальные же сотрудники – только ваши ассистенты. Иногда блестящие по качеству исполнения, как, например, Романова, но всё-таки ассистенты. И не больше... Вспомни, когда не пошла наша система терморегулирования. Сроки горят, все в панике и не знают, что делать. Я вызвал тебя и Копылова. И сказал только, что если мы не пустим эту систему, то можно закрывать нашу лавочку... И мы все мобилизовались! Все переругались, ходили с воспалёнными от бессонницы глазами. Даже спали у меня в кабинете. Но всё же нашли выход, хотя от прежней схемы запуска установки почти ничего не осталось. А ещё через неделю, когда лихорадка прошла, оформили сразу три заявки на изобретения и на все, в итоге, получили положительные решения и Института патентной экспертизы. Вот это была настоящая работа!»

– Но ведь Юрий Петрович при всём этом лишь присутствовал, а вкалывали по-чёрному двое: ты и Копылов, – возразил Дмитрий. – Почему же ты и начальнику ставишь в за-

слугу эту работу?

– На то он и НАЧАЛЬНИК! – отпарировал отец. – Ему и не нужно было тогда, как ты выражаешься, по-чёрному вкалывать. А вот когда меня перевели на повышение, и Юра Копылов ушёл из нашего отдела, то, оставшись без этих самых «сумасшедших», он готов был пустить себе пулю в лоб. Это, вне всякого сомнения, был самый тяжёлый период за всё время, пока он был начальником...

Остаток пути к дому они шли молча.

Как и каждый отец, Виктор Парамонович мечтал о том, что его сын обязательно добьётся в жизни чего-то значительного. Например, защитит кандидатскую диссертацию и будет успешно продолжать свою научную работу. «Но главное сейчас для Димы – не расплыться и не повторять моих ошибок... Уж если заниматься наукой, то самозабвенно и с максимальной отдачей. Не так, как я, – упустил лучшие годы, хватаясь то за одно, то за другое. И когда перевалило за сорок, то начал понимать, что растратил свои основные силы по мелочам. Да и страстное увлечение литературой пришло ко мне всё-таки слишком поздно. Ведь для того, чтобы по-настоящему заниматься наукой или профессионально писать, нужна как минимум солидная база и многолетняя самоотверженная работа в одном каком-то направлении. У меня же не было ни того ни другого... Не исключено, конечно, что и способностей к этим занятиям у меня было маловато, а прямо сказать об этом никто или не хотел,

или не решался. Пусть, мол, растрчивает силы на что только заблагорассудится... Пусть ставит перед собой непосильные задачи. И чем больше, тем лучше... С годами энтузиазм иссякнет, здоровье пошатнётся, и он скиснет. Так было с подавляющим большинством, так будет и с ним. Именно так и случилось...»

А Дмитрий Викторович, внимательно слушая отца, находился сейчас в приподнятом настроении. Ему казалось, что он вышел наконец-то на свою главную заветную магистраль и что ему теперь всё по плечу. Осталось лишь окончательно определиться в науке так же, как он нашёл своё место на производстве и сделал удачный выбор подруги... И тогда он с полным основанием сможет считать себя по-настоящему счастливым человеком!

57. В ожидании

Вот уже больше месяца Ольга Дмитриевна караулит по утрам почтальона и, дождавшись, когда он разложит корреспонденцию, с замиранием сердца открывает свой почтовый ящик. Она терпеливо ждёт ответа из редакции журнала на свою небольшую подборку детских стишков.

Теперь она снова может ходить по средам в литкружок, так как Леночка уже подросла. И на первом же после длительного перерыва занятии она прочитает кружковцам не только свои новые стихи, но и небольшой рассказ. Однако её заветной мечтой будет с этого дня надежда, что она в недалёком будущем сможет поделиться с читателями своими впечатлениями о заводской жизни. Право, люди, о которых она собирается писать, заслуживают этого!..

* * *

Время летит стремительно. Ольга Дмитриевна сидит за своим рабочим столом в глубокой задумчивости: «Ну вот и закончились мои мучения! От замысла повести о моих заводчанах до её воплощения прошло без малого полгода упорного труда», – вспоминает она.

Вчера Алексей Акимович положил рукопись на ладонь и, как бы взвешивая её, с пафосом произнёс:

– Теперь, друзья мои, эти пять авторских листов станут, как говорится, достоянием истории. Ведь в самое ближайшее время несколько тысяч читателей нашей районной газеты познакомятся с новым молодым прозаиком. И мне тем более приятно об этом говорить, так как это первая повесть, которая стрелой вылетит из стен нашего одноимённого кружка. Первая, но очень хочется верить, что не последняя.

– Алексей Акимович, но ведь не исключено, что снова потребуются какие-то серьёзные доработки по требованию редактора? – вырвалось тогда у Ольги Дмитриевны.

– Да, конечно. Но этого, дорогой наш автор, уже не надо бояться. Ведь произведение состоялось! Это я вам гарантирую, а остальное, как говорится, уже дело техники.

В этот памятный вечер Ольга Дмитриевна была по-настоящему счастлива и с благодарностью принимала поздравления товарищей.

58. Цена успеха

По дороге домой Ольга Дмитриевна снова и снова вспоминала, какой ценой досталась ей повесть...

Начало было многообещающим. Принимая отдел, Копылов разбирался в сейфе покойного Юрия Петровича. Его внимание сразу же привлекла пачка еженедельников. Оказалось, что Симагин вёл своего рода досье на каждого сотрудника.

Юрий Степанович уже знал о замыслах Ольги Дмитриевны и потому в тот же день передал ей все эти материалы. А вскоре она получила несколько незавершённых рассказов от Виктора Парамоновича, которые он, как правило, посвящал своим сослуживцам. И кроме того, он обещал оказать ей посильную помощь в работе над повестью. У неё самой также набралось немало набросков о товарищах.

Таким образом, ей оставалось скомпоновать и литературно обработать все эти сырьевые материалы, после чего основную работу над повестью можно будет считать законченной. Правда, необходимо было, конечно, подчинить всё это общей идее... Ну теперь вроде бы ничего не забыла? Так ей казалось в самом начале...

И Ольга Дмитриевна начала работать с остервенением. Что бы она ни делала, где бы ни находилась, думала о повести. Лишь ей и Леночке отдавала она теперь каждую свобод-

ную минуту.

Она написала примерно треть задуманного, но совершенно неожиданно у неё открылся сильнейший аллергический насморк, от которого она до сих пор полностью не излечилась. В поисках аллергена убрали из дома рыбок, попугая и кошку. Однако насморк продолжался. Вынесли из её комнаты все цветы. Это тоже не дало результата...

Каково же было её удивление, если не сказать, отчаяние, когда в одной из центральных клиник было установлено, что на неё действует... книжная пыль.

И действительно, как только она подходила к стеллажам с книгами и начинала их перелистывать, то сразу же начинала чихать. Затем – через минуту-другую – обязательно лило из носа... Она не успевала менять носовые платки. А ещё через неделю сильный приступ насморка начинался уже и просто от лежащих на столе нескольких листов писчей бумаги. Вроде бы напрашивался выход из положения – надо просто бросить писать. Но это было выше её сил.

«Всё равно не сдамся! – то и дело повторяла про себя Ольга Дмитриевна. – Пусть в больнице, на койке, но закончу свою повесть...»

Она исхудала до предела. Казалось, что внутри её организма угнездился какой-то страшный и коварный зверь, который безжалостно высасывает из неё все жизненные соки.

И муж, и Виктор Парамонович, и Людмила Леонидовна неимоверно страдали, глядя на неё. Но они хорошо понима-

ли, что если будут уговаривать её бросить писать, то принесут ей ещё большие страдания. И они молча ожидали, когда она закончит работу над своей многострадальной повестью.

Теперь уже трудно вспомнить, кто первым предложил записывать фрагменты повести на магнитофон. Однако эта новая дополнительная возможность прямо-таки окрылила Ольгу Дмитриевну, придала ей свежие силы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.